ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 97 (3126) Суббота, 15 августа 1953 г. Цена 40 коп.

В беседе с нашим корреспондентом...

Болдинские покупатели

Председатель правления Болдинского сельпо Александра Михайловна Бирюкова, по ее собственным словам, все эти дни находится под впечатлением документов пятой сессии Верховного Совета СССР. И понятно, что беседу свою с корреспондентом «Литературной газеты» она начала со ссылки на речь товарища Г. М. Маленкова:

— Товарищ Маленков подчеркнул роль советской торговли, в том числе и сельской. Перспективы перед нами открываются огромные. Как же работать нам дальше? Какие шаги предпринять, чтобы улучшить обслуживание сельского населения, полнее удовлетворять запросы колхозников? А ведь запросы их все время растут — я это хорошо знаю.

Александра Михайловна в Болдине родилась, кончила школу, здесь же прошла почти двадцатилетний трудовой путь от рядового продавца до председателя правления сельпо. Она хорошо знает запросы и вкусы своих земляков.

— Возьмите такую мелочь, как зубная паста. Помню, в середине тридцатых годов, когда я еще продавцом работала, привозят к нам несколько ящиков с тюбиками, лежат они месяц, другой, полгода, портятся,— ну и списываем их. А теперь зубной порошок мало берут, только пасту подавай. А галстуки? Раньше мы ими постоянно затоваривались, спрос на них был небольшой, а нынче — уж который год! — идут очень хорошо. То же и с парфюмерией.

— Вам это кажется не главным? Хорошо. Вот другие примеры. Пять-шесть лет назад у нас наибольшим спросом пользовались изделия из хлопчатобумажной ткани, например, пальто детские, женские платки. А сейчас они лежат мертвым грузом. Если пальто — так драповое дай, если платок — то только пуховый, оренбургский. Мебель тоже требуют самую лучшую, высокого качества. Товаров у нас куда больше стало, чем прежде, но план товарооборота выполнять труднее. Раньше брали, что есть, а сейчас принимают во внимание и расцветку тканей, и фасон туфель, и качество пошива...

Бирюкова приводит несколько цифр. В 1943 году у сельпо было шесть торговых точек, а сейчас семнадцать. Два года назад в Болдинском сельмаге имелись товары, примерно, пятисот наименований, а сегодня их насчитывается тысяча триста. Два года назад за резиновыми дамскими ботами колхозницы ездили во Владимир и в Москву, а сейчас их сколько угодно в местном магазине. В сельмаге большой выбор шелковых тканей, мужской и женской модельной и простой обуви, дамских пальто, музыкальных инструментов, оцинкованной и эмалированной посуды, строительных материалов — гвоздей, шифера, фанеры, красок, цемента, мела, извести; одних только обоев до пятнадцати расцветок. В продовольственной секции можно купить сельдь, выловленную в Тихом океане, консервы из тресковой печени, изготовленные в Баренцовом море, различные виды растительных жиров, конфеты почти тридцати сортов, какао, кофе, печенье.

— Какие товары поступили в сельмаг за последние три дня?

На этот вопрос отвечает заведующая сельмагом Л. Осина.

— Велосипедов пятнадцать — все проданы; шифоньеров четыре — тоже проданы; стульев сто двадцать — продали пятьдесят семь. Потом еще получили двадцать две тысячи школьных тетрадей и учебников, полторы тонны баранок, семь ящиков папирос дорогих сортов, пятьсот килограммов ваты, грузовик московского пива, несколько тюков книг и брошюр.

Л. Осина рассказывает, что в сельмаге заведена книга учета спроса покупателей, где записывается адрес, фамилия, примерная цена, по которой покупатель хотел бы приобрести товар, размер. Как только товар поступает в сельмаг, заказчика сейчас же извещают об этом. Из этой книги можно узнать, что пользуется наибольшим спросом. Это: швейные машины, ручные часы, мужские костюмы, дамские зимние пальто, радиоприемники, школьная форма из шерсти с белым фартуком для девочек, ковровые дорожки...

В разговор снова вступает А. Бирюкова.

— Не думайте, что у нас все замечательно,— говорит она.— Вот лежат сейчас в сельмаге брюки для мальчиков, но все одного размера. И это частое явление: загонят односортную партию костюмов или брюк, а потом удивляются, почему мы не реализуем; как будто все наши колхозники — одного роста. Или еще: в сельмаге имеются мужские сорочки, но только самые дешевые— из ситца и самые дорогие из натурального шелка, а сорочек из вискозы, пике, зефира нет. Другой пример. Мы торгуем брючным трико, но готовых мужских брюк из этого материала у нас нет. А люди требуют. Ведь не каждый имеет возможность пошить себе сам. Я как-то сказала об этом заместителю директора универсальной базы Облпотребсоюза Костюхину, а он мне говорит: «Объясните покупателям, что у нас только одна артель шьет брюки, мы физически не можем обеспечить все заказы». Да кто же примет такие объяснения? Покупателю готовые брюки нужны, а не объяснения.

К нам подошел какой-то дед, уже до этого с интересом приглядывавшийся к приезжим.

— Вы что же, инспекция какая будете? — спросил он. И не расслышав отрицательного ответа, продолжал: — Раз инспекция, так вы в Москве скажите: дескать, колхоз «Путь к коммунизму» электростанцию свою построил, а радиоприемник в сельмаге не купишь. Что же, в Москву мне за ним ехать?

БОЛДИНО,
Петушинский район
Владимирской области

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О награждении тов. Шкирятова М. Ф. орденом Ленина

В связи с семидесятилетием со дня рождения тов. **Шкирятова М. Ф.** и отмечая его заслуги перед Коммунистической партией Советского Союза и Советским государством, наградить тов. **Шкирятова** Матвея Федоровича орденом **Ленина.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПЕГОВ.

Москва, Кремль.
14 августа 1953 г.

Солнце освобождения

ЛИ ГИ ЕН,
корейский писатель

Миновали долгие дождливые дни, и землю Кореи залили яркие, палящие лучи августовского солнца. Обычно для тружеников полей в это время наступала страдная пора пожинать плоды своего мирного труда. Ныне же мой народ начинает залечивать раны, ценой которых одержал победу, защищая мир и свободу, свободу, принесенную нам 8 лет назад—15 августа 1945 года — армией великого Советского Союза.

Встречая день освобождения, мы, корейцы, вновь и вновь задумываемся над вопросом: почему возникла война на земле Кореи? И отвечаем: потому, что агрессоры вознамерились отнять у нас самое драгоценное — нашу свободу, полученную с помощью советского народа.

Если бы агрессоры не вмешались в нашу жизнь, если бы они 25 июня 1950 года не зажгли огонь войны у 38-й параллели, корейский народ, может быть, давно уже завершил бы объединение своей родины на мирных демократических началах. Многое успел бы он сделать с тех пор, строя свободную, счастливую жизнь.

Есть у корейского народа пословица: кто хочет утопить другого, тот непременно утонет сам. Так случилось и с американцами в Корее. Они понесли большой урон. Но сотни тысяч убитых, раненых и пленных американцев, тысячи разбитых американских самолетов, танков и орудий, несчетное количество обрушенных на нашу землю бомб и снарядов не принесли агрессору желаемых результатов. Война закончилась там, где и началась. И когда интервентам стало ясно, что покорить мою родину так же невозможно, как заставить планету вращаться в обратную сторону, они пошли на перемирие.

Так в летопись истории корейского народа были вписаны две даты: 15 августа 1945 года — день освобождения Кореи Советской Армией и 25 июня 1950 года— день нападения агрессоров на мою родину. Первая стала символом мира, свободы и беспредельного счастья корейцев, их братской любви и признательности своему великому северному соседу — советскому народу, вторая — днем проклятья империалистам-захватчикам.

Принеся нам свободу от японского рабства, вызволив из мрака 40-летнего ига, Советский Союз помог нам стать на ноги, начать строить новую жизнь. Мирные годы после освобождения были к северу от 38-й параллели, как хорошо сказал Ким Ир Сен, самыми счастливыми годами за все существование Кореи — ее поистине золотым веком. За пять лет наш народ получил больше материальных и духовных благ, чем за все прошлые тысячелетия.

Наши богатейшие недра, наши горы и реки стали достоянием народа. Советские люди научили нас строить домны и варить сталь, они помогли возродить и построить заново заводы в Пхеньяне, Мунпхене, Чендине и других городах. В деревне пришел конец господству помещиков-феодалов, земля перешла в руки тех, кто ее обрабатывает, — крестьян-бедняков и батраков. И это дало замечательные результаты — в Корее, стране, исстари испытывавшей нехватку продовольствия, к очагу простых людей пришел достаток, о котором не могли и мечтать наши деды.

Корейская женщина, как равная среди равных, встала рядом с мужчиной на государственном, хозяйственном и культурном поприще. Перед нашими любознательными юношами и девушками распахнулись двери средних и высших учебных заведений. Все полнее раскрывались творческие силы раскрепощенного народа, росло и крепло чувство патриотизма, рожденное ответственностью настоящих хозяев страны за ее судьбы, за ее будущее. Всем сердцем и умом принимали корейцы близкие и понятные им демократические преобразования, осуществляемые Трудовой партией.

Война, которую принесли на землю наших предков интервенты, стала серьезнейшим испытанием для Корейской Народно-Демократической Республики. И наш народ с помощью могучего китайского брата вышел с честью из этого тягчайшего испытания. Война всколыхнула патриотические силы корейцев, она закалила их в решимости любой ценой защитить свободу, честь и независимость родины.

Наша родная Народная армия, для которой образцом и примером всегда служила освободительница корейского народа — Советская Армия, заслужила любовь и уважение всех, кому дороги мир и народное счастье. Тысячи героев поднялись из ее рядов. Громкая слава о воинских подвигах китайских народных добровольцев идет по свету...

Умолкли пушки. У 38-й параллели стоит необычная здесь за последние три года тишина. Но для тех, кто не может смириться с провалом своих агрессивных планов, эта тишина страшнее грохота горного обвала. Она пугает их. Не успели высохнуть чернила на соглашении о перемирии, а презренная марионетка Ли Сын Ман уже дует на пепел, надеясь вновь разжечь корейский костер. И снова, как в зловещие июньские дни 1950 года, заокеанские коммивояжеры войны появились в Южной Корее, чтобы сеять смуту и напряжение на Дальнем Востоке.

Мы озабочены подготовкой каменотесов для мирных строек Пхеньяна, мы лелеем зеленую поросль деревьев, высаженных в дни войны, а Ли Сын Ман вопит, что он использует время перемирия для подготовки «к наступлению». Матери Вонсана и матери Детройта, лондонские докеры и ткачи Лиона, миллионы простых людей ждут мирного разрешения корейского вопроса на политической конференции, а в Сеуле уже состоялся сговор о превращении Южной Кореи в американскую колонию, в базу для размещения американских войск. Государственный секретарь США Даллес и Ли Сын Ман заключили военный договор, который объединит усилия двух стран якобы для «отражения общей опасности».

Еще неизвестны час и место созыва политической конференции по корейскому вопросу, а они уже угрожают. Моя армия, заявляет командующий 8-й американской армии в Корее Тейлор, «готова к возобновлению военных действий в случае провала политических переговоров». А генерал Кларк грозится применением «любого оружия, имеющегося в распоряжении» США.

На полную мощность работают печатные машины Вашингтона и Нью-Йорка. Реакционная пресса изо всех сил старается сохранить международное напряжение, заранее загнать в тупик конференцию. В ход пущено все — от небылиц о «злодеяниях» в отношении американских военнопленных в Северной Корее до утверждений, что часть из них мы скрываем в каких-то мифических «секретных» лагерях. Чего стоит, например, заголовок в американской газете «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан» о том, что «военнопленные янки превращены в рабов красных». И вот уже госдепартамент США «серьезно встревожен» и государственный секретарь открыто угрожает задержать передачу корейских и китайских пленных.

Ложь — ходкая монета у гангстеров пера. Но вот что вынужден признать, вопреки утверждениям американских газет, военный министр США Стивенс, только что вернувшийся из поездки по Корее. По свидетельству вашингтонского корреспондента Ассошиэйтед Пресс, Стивенс заявил, что физическое состояние возвращающихся американских военнопленных является «поразительно хорошим». Зато из лагерей в Южной Корее в Паньмыньчжонь доставляют военнопленных корейцев и китайцев со свежими ранами, со свежими следами пыток. Шатаясь от слабости, ступают на свободную землю узники Кочжедо, Чечжудо, Пусана. И стыдно становится за людей, считающих себя цивилизованными, когда узнаешь, что и сегодня, после перемирия, в американских лагерях истязают военнопленных за верность родине, за любовь к родному краю.

Корейский народ зорко следит за происками врагов мира. Усиливают свою бдительность все народы земного шара.

...Мирное небо раскинулось над Пхеньяном и Алмазными горами, над рисовыми полями Кореи. Отдыхают после грозовых дней войны долины, улеглась рябь от пулеметных очередей на водной глади рек, и наши дети спокойно смотрят в небесную синь. Позади три года величайшей битвы. И невольно вновь и вновь задумываешься над тем, где же источник силы и стойкости нашего маленького народа, стойкости, которая заставила отступить империалистических хищников. И если вы спросите об этом любого корейца, он с уверенностью ответит: источник этот — немеркнущее солнце освобождения, солнце 15 августа.

Это солнце светило нам пять мирных довоенных лет. Оно согревало наши сердца в суровые годы, когда дым пожарищ стлался над Кореей. Даже в самые трудные дни войны мы верили в победу, мы знали, что черной тени «летающих крепостей» не закрыть от нас солнца. От бомбежек горы Кореи теряли свои очертания, менялось течение рек, но люди были крепче камня. Они видели свой завтрашний день. В лесу под Пхеньяном архитекторы в дни войны трудились над генеральным планом возрождения столицы — зеленого города на берегах голубого Тэдонгана, одетого в гранит и камень. Еще более прекрасными, чем до войны, вставали перед нами в чертежах и планах главный проспект Пхеньяна, широкие площади и красивые дома. О спокойной вере народа в победу свидетельствовало и создание в разгар войны Корейской Академии наук.

Яркие лучи этого солнца освещают нам путь и сейчас. Теплоту братских рук, протянутых нам советским народом, ощущает каждый кореец. С каким волнением вспоминаем мы в эти дни слова главы Советского правительства Г. М. Маленкова: «Мы, советские люди, горячо желаем, чтобы жизнь славного корейского народа процветала в условиях мира. Советский Союз поможет корейскому народу залечить тяжелые раны, нанесенные войной. Правительство решило теперь же выделить на восстановление разрушенного хозяйства Кореи миллиард рублей».

Ветер с океана овевает лица каменщиков и плотников на строительных лесах. Эти леса все гуще покрывают опаленную землю Северной Кореи. Мчатся по восстановленным магистралям железнодорожные составы. На рисовых полях крестьяне засыпают воронки от бомб и снарядов. Над долинами и ущельями вновь повисают стальные линии высоковольтных электропередач. Скоро даст первый металл возрожденная домна в Чэсончжоне, загрохочут прокатные станы на заводах Ким Чака. Ночные улицы Пхеньяна вновь засияют тысячами огней. Вернутся из отрядов противовоздушной обороны веселые пхеньянские цветочницы, сядут за парты в светлых классах новых школ пионеры из «отрядов бодрости». Не страшась усталости, народ-герой засучивает рукава.

Животворные лучи солнца освобождения придают нам бодрость, силу и уверенность в том, что недалек час, когда Корея станет еще прекрасней, еще богаче, чем в первое пятилетие мирной жизни. Свободные люди будут петь радостные песни, прославляя великий народ, который открыл нам это солнце, прославляя своих сынов, не допустивших, чтобы померк его свет.

ПХЕНЬЯН, август

Международные отклики

ЧТО ПРОИСХОДИТ ВО ФРАНЦИИ

Каждый день телеграф приносит из Франции все новые и новые сообщения о невиданной по размаху в послевоенной истории страны забастовочной борьбе французского пролетариата. Париж почти целиком парализован забастовкой. Работа парижского транспорта прекращена полностью. Если и появляются на улицах автомашины, то в большинстве случаев это военные грузовики. Продолжается забастовка работников почты, телеграфа и телефона. Прервана всякая связь между городами. Почти всеобщей стала забастовка рабочих газовых заводов и электростанций. Прекратили работу железнодорожники, шахтеры, металлурги, рабочие и служащие государственных и коммунальных учреждений и предприятий. Последние сообщения из Парижа свидетельствуют о том, что забастовка распространилась на трудящихся частных фирм и предприятий. По подсчетам буржуазной печати, в целом в стране бастует **свыше четырех миллионов** человек.

Непосредственным поводом к началу забастовок послужила подготовка правительством Ланьеля декретов, направленных на дальнейшее ущемление интересов и прав трудящихся государственных и коммунальных учреждений и предприятий. Стало известно, что правительство намеревается воспользоваться «особыми полномочиями», чтобы на семь лет повысить возрастной ценз, необходимый для получения пенсий учителями, почтальонами и другими категориями государственных служащих, уволить 25 тысяч так называемых «подсобных рабочих» и т. д. Все эти меры официально оправдывались необходимостью осуществить «финансовое и экономическое оздоровление» страны.

Слов нет, оздоровление французской экономики действительно стало насущнейшей необходимостью. По официальным данным, дефицит бюджета Франции, уже в этом году составляющий 700 миллиардов франков, достигнет в следующем году колоссальной суммы в 870 миллиардов франков.

Французские газеты признают, что подобные результаты — печальный итог проводившейся до сих пор политики. После выборов 17 июня 1951 года, подчеркивает газета «Комба», «правительства проводили политику блокирования заработной платы под прикрытием обещаний о снижении цен. Сегодня Франция пожинает плоды этой политики. Но первыми их вкусили прежде всего трудящиеся... Однако рабочий класс больше не соглашается с политикой обещаний, рассчитанных на отдаленное будущее». Реакционная газета «Фигаро», в первое время выступившая с резкими нападками на бастующих, сегодня вынуждена признать, что подлинные причины нынешнего конфликта лежат не в «неуместных» требованиях рабочих. «Конечно, — пишет газета, — уровень заработной платы некоторых категорий трудящихся является вызовом здравому смыслу, и нет необходимости описывать нужду, царящую во многих семьях... Наконец, изнуряющее бремя, которое ложится на наши финансы вследствие непосильной доли, взятой на себя Францией в конфликте на Дальнем Востоке, непрестанно нарушает равновесие нашего бюджета».

Неудивительно, что новые декреты, как указывает французская печать, явились последней каплей, переполнившей чашу терпения народа. В том же духе высказывается и английская буржуазная пресса, проявляющая весьма пристальный интерес к событиям во Франции. Французские рабочие понимают, пишет, например, одна из консервативных газет «Дейли мейл», что «слишком часто стремятся экономить за их счет, взваливая на них все бремя налогов...»

Некоторые органы буржуазной печати пытались даже предостеречь правительство Ланьеля против принятия декретов, которые неминуемо вызовут протест трудящихся. Так, газета «Комба» писала, что было бы грубой ошибкой, если бы авторы декретов недооценили недовольство трудящихся, растущее по мере того, как раскрывается характер подготовляемых мер «финансового оздоровления, а также становится ясным, от каких категорий французского населения потребуются жертвы».

Тем не менее правящие круги явно решили использовать период летних отпусков для того, чтобы усилить наступление на интересы трудящихся. Мощные забастовки протеста, которые явились ответом на это наступление, поразили французских реакционеров, как гром среди ясного неба. «Такой размах борьбы за удовлетворение социальных требований в период года, когда обычно наблюдается затишье, является неожиданным для всех, в том числе, повидимому, и для правительства»,— писала по этому поводу газета «Паризьен либере».

В своем обращении к бастующим 6 августа премьер-министр Ланьель уверял, что новые декреты «находятся еще в стадии изучения» и что «они еще не определены». Тем не менее уже 10 августа в официальном издании «Журналь офисьель» были опубликованы первые 19 декретов правительства, которые, как и ожидалось, были направлены своим острием против интересов трудящихся. Для широких масс стало ясным, что правящие круги попрежнему не хотят считаться с четко выраженной волей народа. Неудивительно, что после опубликования декретов забастовочное движение еще более усилилось.

От туманных обещаний правительство перешло к весьма недвусмысленным угрозам по адресу забастовщиков. Был отдан приказ о мобилизации государственных служащих. «Приказы о принудительной явке на работу градом сыплются на служащих почт, телеграфа и телефона...— свидетельствует газета «Пари-пресс-Энтрансижан».— Все полицейские силы находятся на местах, готовые к выполнению правительственных распоряжений». Та же газета требует от Национального собрания принятия закона, «регламентирующего забастовки», который ликвидировал бы право трудящихся бороться за свой жизненный уровень.

Однако забастовочное движение продолжает шириться. При этом чрезвычайно знаменательным фактом является то обстоятельство, что забастовки проходят под знаком крепнущего единства французских рабочих, принадлежащих к различным профсоюзным организациям. Несмотря на маневры своих лидеров, члены профсоюзов «Форс увриер», возглавляемых правыми социалистами, как и члены католических профсоюзов, выступают единым фронтом со своими товарищами, объединенными крупнейшей профсоюзной организацией — Всеобщей конфедерацией труда.

Все более широким становится движение за созыв чрезвычайной сессии Национального собрания. Особенно усилилось это движение после того, как руководство Французской коммунистической партии обратилось к генеральному секретарю социалистической партии с призывом к совместным действиям с целью добиться созыва чрезвычайной сессии парламента, которая обсудила бы положение в стране. Для созыва такой сессии необходимо письменное требование 209 депутатов. Как сообщает французская печать, сейчас уже 186 депутатов послали свои заявления о необходимости созвать чрезвычайную сессию.

«Трудящиеся,— пишет «Юманите»,— требуют созыва сессии Национального собрания, потому что они хотят отмены чрезвычайных декретов. Они хотят, чтобы было покончено с политикой блокирования заработной платы, чтобы были найдены необходимые источники для удовлетворения их требований, и они знают, что можно немедленно найти необходимые миллиарды для повышения заработной платы и пенсий путем сокращения огромного военного бюджета и принятия всех мер, необходимых для урезывания сверхприбылей трестов».

ЛИТЕРАТОР

Разговор о простом костюме

1. Все настоятельнее сказывается в нашей стране массовая потребность в такой одежде, которая отвечала бы представлениям о красивом, которая была бы не только по росту да по плечам, но и по нраву, по душе.

Плохо сшитый костюм неизбежно вызывает раздражение, досаду, ощущение неловкости. Человек хочет носить костюм не случайного, а обдуманного покроя, чтобы в костюме все нравилось — до пуговицы на рукаве.

Достаточно пройтись по улицам любого советского города, чтобы увидеть, что шелк, недавно еще предмет роскоши, стал повседневностью нашего быта. Шелка, натурального и искусственного, производится у нас много и во все возрастающем количестве. Шелк, особенно сочных, интенсивных расцветок и интересных рисунков, как правило, не залеживается на полках магазинов. Покупают его нарасхват. Покупают — и шьют красивые платья.

Но вот женщины входят в магазин Мосодежды или промкооперации, где висят платья из шелковых тканей полюбившихся расцветок. Какое богатство красок! Покупательница примеривает одно, другое платье, и взгляд ее скучнеет. Какая досада: одно топорщится, другое бесформенно, а третье, пожалуй, подошло бы, но попробуйте заикнуться хотя бы о пустяковом исправлении: чуть-чуть поубавить в боках или сделать короче талию, заменить фасон воротничка или какую-нибудь непонравившуюся отделочную деталь.

Покупательницу с такими вздорными, видите ли, претензиями и слушать не станут в магазине готового платья. «Если что не нравится, переделаете дома»,— отмахивается продавец фразой, сказанной стандартно вежливым тоном.

Как часто швейники забывают простую истину: не человек для стандарта, а стандарт для человека. Потому-то и накапливаются товары на многие тысячи рублей и пылятся подолгу в магазинах, пока модели окончательно не устаревают.

Зайдем в Центральный универмаг Москвы на Петровке. Поднимемся на третий этаж, в отдел готового платья.

Один за другим мужчины подходят к прилавку. Посмотрев наметанным глазом, продавец безошибочно определяет:

— На ваш рост ничего нет.

Обычно ко второй половине дня остаются костюмы лишь малых размеров или, наоборот, очень больших.

В летние месяцы, естественно, спрос на светлые костюмы повышается, но поступают они от случая к случаю и в недостаточном количестве. Да и то, что ЦУМ получает, чаще всего совсем не то, что хотел бы купить потребитель.

Еще в начале года Центральный универмаг заказал фабрике № 2 Главшвейпрома мужские костюмы типа «фантази» из лучших тканей. Фабрика обязалась дать пять фасонов этих костюмов. Но вместо обусловленного ассортимента «нафантазировала», как ей заблагорассудилось, попросту сшила весь тираж костюмов на один-единственный фасон и, что всего хуже,— самый неинтересный, устаревший.

2. Теперь отправимся туда, где рождаются костюмы,— хотя бы на Московскую фабрику № 5 Главшвейпрома.

Первая новинка, которую нам показали,— это цех улучшенного пошива, недавно по приказу главка организованный на фабрике. Заместитель директора тов. Зубрилин объяснил, что в этом цехе шьют костюмы только из дорогих тканей, что работают здесь самые квалифицированные мастера и закройщики, которым на выполнение отдельных операций дается времени больше обычного, и, наконец, что «усилена эстетика отделки» костюма. Но не получается ли так, что, имея в опытно-показательном порядке один цех улучшенного или, скромнее говоря, приемлемого пошива, фабрика разрешает себе уже со спокойной совестью вести «ухудшенный» пошив остальной продукции?

Мы вскоре убедились, что дело обстоит именно так. Многие фабрики Главшвейпрома — не только пятая! — наряду с дорогостоящими костюмами, выпускают большими партиями небрежно сделанные грубошерстные и полушерстяные костюмы.

Как это возможно, чтобы после первой непогоды деформировались лацканы на пиджаке нового костюма? Оказывается, все просто. Достаточно поставить на подбортовку и в лацканы костюма не конский волос или по крайней мере холст, а кусок обыкновенной парусины (она обойдется примерно на две копейки дешевле), и костюм наверняка перекосится, деформируется, и никаким глажением его не спасешь.

Хотите знать, почему брюки на коленках так скоро пузырятся? И на то есть своя причина. Оказывается: вместо подкладки из шелка, как принято, вообще ничего не кладут. На подкладку вместо саржи ставят сатин, к тому же очень непрочный. Даже пуговицы пришивают без всякой заботы о сочетании с цветом материала, из которого сделан костюм.

Недавно фабрика № 5 стала пришивать возле внутреннего кармана пиджака по две запасные пуговицы. Начинание очень хорошее. Но почему оно коснулось лишь дорогостоящих костюмов?

Начальник планового отдела фабрики посвятил нас в свои размышления на эту тему.

— Ну, оторвалась пуговица у дешевого костюма. Пуговица вещь заурядная, костюма она не красит, конструктивной роли не играет, а только служит своему прямому назначению. Такую пуговицу в любом магазине найдешь. Если даже и окажется не в цвет, — беда небольшая, для такого костюма все сойдет.

У этой «системы» наплевательского отношения к миллионам потребителей, оказывается, есть и своя «теория». Заместитель начальника Главшвейпрома тов. Кириллов утверждает: если даже одинаково хорошо сшить два костюма, но один — из дорогой материи, а другой — из ткани более низкого качества, все равно они неизбежно будут резко отличаться по виду, как бы хорошо они ни были сшиты.

Вот и шьется дешевый костюм как попало. И, конечно, если встать на точку зрения «все сойдет», тогда незачем заботиться о добротной подкладке, о холсте и конском волосе в лацканах, о подходящих пуговицах и многом другом.

Кажется, пустяковая вещь — лоскуток. А ведь существует целая проблема лоскутка. Вы купили новенький костюм, только что его надели и вдруг — вот несчастье! — за что-то зацепились. Вещь испорчена. Дозарезу нужен крохотный кусочек того самого материала, из которого сделан костюм. Купить или достать лоскуток трудно, а в запасе, на всякий случай, при костюме эта «мелочь» не предусмотрена в силу той же погони за ложной экономией.

В Главшвейпроме вам объяснят, что массовый раскрой делается с учетом каждого сантиметра, так, что даже «кукольного лоскутка» не остается, а совсем мелкие отходы идут якобы целиком в утиль. Это не так. Все наличные остатки после раскроя, — а они составляют примерно два процента от всей ткани, — фабрики вновь пускают в производство, негодные же продают в артели. А что можно сделать из таких лоскутков? Копеечную вещь! Но как много может дать лоскуток владельцу костюма!

Посмотрите, как небрежно хранятся и транспортируются «дешевые» костюмы.

По узкой каменной лестнице спускаемся в фабричный склад готовых изделий. На блестящих металлических штангах ровными рядами висят «люксы», «метро», «ударники» — костюмы из более дорогих тканей, а у стены, точно бедные родственники, приютились сложенные в штабели тюки костюмов второго сорта.

— Места у нас не хватает повесить все на плечики. Костюмы подешевле и так полежат, — беспомощно заявляет начальник склада.

— Все равно их помнут. Не здесь, так при транспортировке,— оправдывается директор фабрики тов. Ефимов.

И правда, эти костюмы частенько проделывают весьма нелегкое путешествие с московской фабрики на торговую базу. Приезжает издалека агент за товаром, укладывает готовые костюмы в мешки, грузчики швыряют мешки в кузов машины, усаживаются сверху и — поехали: куда-нибудь в Тулу или Калугу. На месте, в магазине, снова примутся их утюжить да разглаживать. Словом, все идет в полном соответствии с поговоркой: «Портной изгадит, утюг загладит».

Даже в пределах того ассортимента тканей, которые сейчас имеются, предприятия Главшвейпрома в силах производить куда более привлекательные костюмы, подбирая соответствующую подкладку, снабжая фабрики не тремя одинаковыми, а тридцатью видами пуговиц, проявляя должную заботу о декатировке материала и обо всех деталях костюма. Понимают ли это швейники? Отлично понимают. Но беда руководителей Главшвейпрома в том, что они продолжают довольствоваться выполнением задания «валом»—в цифрах, в рублях, в штуках изделий.

3. Потребитель предъявляет серьезный счет швейникам. Но и не только им.

Качество костюма зависит от выделки ткани, мастерства швейников и требовательности торгующих организаций, непосредственно связанных с потребителем.

Поэтому жгучий вопрос о виде и качестве костюма надобно решать комплексно. В нашем разговоре одинаково должны участвовать и Главшвейпром, и Главшерсть, и, конечно, Управление торговли тканями, одеждой и обувью в системе Министерства внутренней и внешней торговли СССР, тем более, что ныне сбытовая система швейных фабрик перешла в ведение этого министерства.

До последнего времени готовая продукция предприятий Главшвейпрома попадала к потребителю через оптовые учреждения, подчиненные тому же Главшвейпрому Министерства легкой и пищевой промышленности. По такому удобному каналу в торговую сеть спускались, наряду с добротными вещами, и вещи, изготовленные кое-как. Благо, своя система сбыта,— значит, можно по-домашнему, по-семейному итти на послабления. Отпуская, скажем, партию хороших костюмов, фабрики Главшвейпрома имели возможность навязать сбытовым организациям также партию плохо сработанных костюмов. Главшвейсбыт безропотно принимал все это от своего непосредственного хозяина — Главшвейпрома.

Сейчас, когда сбытовая система швейных фабрик переходит к Министерству внутренней и внешней торговли, создается возможность гораздо строже и решительнее контролировать и браковать продукцию, которая уходит за ворота фабрик. Министерство внутренней и внешней торговли СССР получило гибкий и сильный рычаг воздействия на швейников. Но пока еще дает себя знать годами практиковавшаяся нетребовательность, снисходительность торговых предприятий, не привыкших действенно влиять на поставщиков низкосортных товаров.

«Новорожденная» Главторгодежда должна не только регистрировать запросы покупателя, но и во-время на них откликаться. В частности, почему бы не дать большее число комбинаций размеров и ростов, чтобы покупателю легче было подобрать костюм как раз по своей фигуре. И вместе с тем сделать обычным такое явление, когда при наличии разработанной «сетки размеров и роста» в каждом магазине для любого покупателя в любое время нашелся бы требуемый костюм.

...Когда-то говорили: «Дешево да гнило, дорого да мило». А теперь советских людей надо одевать и дешево и мило. Иначе никак не пойдет!

М. ЧЕЧАНОВСКИЙ

НАРОДНОМУ ИСКУССТВУ—ДОРОГУ В БЫТ!

В музее и в магазине

Существуют экономические карты, знакомые каждому школьнику. По этим картам, взглянув на условные знаки, легко представить себе, чем богата любая из наших областей и республик. В одном месте добывают нефть и выращивают хлопок, в другом — валят лес, бьют морского зверя и ловят рыбу, в третьем—шелестит на ветру пшеница, возвышаются шахтные копры, дымят заводы, изготовляющие сталь... На такой карте как бы изображены исполинский труд народа, его разум и энергия.

Но можно было бы составить и другую карту, запечатлеть на ней красоту народной души, прихотливость фантазии, артистичность сноровистых рук, о которых издавна говорится, что они — золотые. Загляните в музей народного искусства, помещающийся на улице Станиславского в Москве. К вашим представлениям о природе родной страны, о ее экономике прибавится еще одно: вы как бы увидите художественную географию Советского Союза.

Богородские мастера, живущие к северо-западу от Москвы, режут из осины и липы фигурки людей, животных... Абрамцевско-кудринская артель, находящаяся в Московской области, изготовляет резные деревянные блюда, кубки, чернильные приборы; пышный растительный орнамент, как бы взятый из сказки, окрашен в спокойные коричневые тона и отполирован. Соседи абрамцевских резчиков — загорцы, работающие свои шкатулки, вазы, небольшие картины и «матрешки» из той же скромной древесины, выжигают по ней рисунок и раскрашивают его в пестрые цвета да еще покрывают лаком, так что все это чем-то напоминает затейливые формы старинной русской архитектуры, которой богат Загорск.

И совсем уж древней сказкой, дивной жар-птицей веет от знаменитой хохломской росписи по дереву. Эти детские креслица, ковши, миски буквально ослепляют киноварью и золотом, яркость которых подчеркивается черным контуром.

Кажется, уж ничего больше и не сделаешь из дерева.

Но вот вы видите вологодские туески и ларчики из бересты, сквозной и тонкой, похожей на кружево. Вы любуетесь кировскими изделиями из капо-корешка: трубками, коробочками, портсигарами. Они лишены каких бы то ни было украшений,— одна лишь полированная древесина, вся в прихотливо переплетенных прожилках, коричневато-золотистая, как гречишный мед.

Узбекские мастера представлены здесь ларцами, на которых инкрустация, резьба и роспись по дереву, соединившись, образуют миниатюрные коврики. Среди работ гуцульских резчиков можно найти богато орнаментированные тяжелые блюда, будто вырезанные из камня, и небольшие шкатулки, где инкрустация из разных сортов древесины напоминает вышивку бисером.

Не менее разнообразны изделия из глины.

Здесь и гжельская керамика — белая с синим, чуть тронутая золотом. И керамика башкирская, красота которой — в спокойных округлых линиях, в гладкой, темных тонов глазури. Важной тяжеловесностью отличаются керамические изделия рязанских мастеров, украшенные скульптурным орнаментом из цветов, птиц и зверей, сплошь покрытые коричневой или зеленой глазурью. И хотя не так уж близко расположен город Скопин на Рязанщине от села Опошни на Полтавщине, но в этих кувшинах, в этих сосудах, сделанных то в виде барана, то в виде большого бублика, поставленного на ребро, есть что-то общее с работой знаменитых украинских гончаров. Только формы опошненской керамики, пожалуй, чуть легче, стройнее, и расписана она многоцветным узором, веселым, как венок на голове полтавской девчины.

А вышивка! Гуцульские сорочки с широким ковровым прямоугольником на груди. Узбекские сюзане, похожие на цветник. Работы вышивальщиц из Литвы, из Мордовии...

И среди всего этого, словно созданные из снежинок, вологодские кружева. И не уступающие им в ажурности, в тонкости вырезанного из мамонтовой кости кружева — шкатулки, вазы, кубки холмогорских костерезов, с которыми соперничают костерезы из Хотькова, что под Москвой.

Хороши также изделия из металла. Здесь и жестовские подносы, покрытые красным или черным лаком и расписанные пестрыми букетами. Здесь и прославленное каслинское художественное литье из чугуна. И золотая насечка, чернь, гравировка по серебру известных всему миру мастеров дагестанского аула Кубачи. И миниатюры, написанные финифтью на металлических пластинках живописцами древнего Ростова-Ярославского.

Богородская деревянная скульптура.

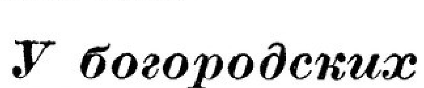
Если ко всему этому прибавить еще ковры, палехскую, федоскинскую, мстерскую живопись на лакированных коробочках из папье-маше, кролевецкие плахты, камнерезные изделия Казахстана, Молотовской и Горьковской областей, если вспомнить, что в музее показаны работы далеко не всех художественных промыслов страны, — станет понятно, что народные мастера способны удовлетворить любые потребности наших людей в предметах искусства.

Для этого, собственно, и существуют представленные и не представленные в музее художественно-промысловые артели — промышленные предприятия, у которых есть план, которые работают не на музей, а на рынок, поставляя свою продукцию торгующим организациям.

И если вы москвич или же приехали в Москву, — вы встретите на Петровке вывеску магазина «Художественные изделия», который, надо думать, в силу своего столичного положения торгует всем, что производят народные мастера республик и областей Советского Союза.

Но как темно и тесно в этом чуть ли не единственном в столице магазине! И вдобавок значительная часть магазина занята товарами, не имеющими никакого отношения к искусству. У этих прилавков почти нет покупателей, зато к продавцам, торгующим изделиями художественных промыслов, не подойти.

Когда привыкнешь к полумгле, когда, поработав локтями, протиснешься к прилавку, — с разочарованием убеждаешься, что в магазине почти нет керамики. Нет здесь и плахт, нет литовских узорчатых тканей, нет эстонских изделий из тисненой кожи, из шерсти... Короче, нет изделий десятков художественных промыслов, да и те, продукция которых имеется в магазине, представлены в столь скромном ассортименте, а в иных случаях продукция эта столь невысокого качества, что приходишь к следующему печальному выводу: в Москве практически невозможно приобрести произведения мастеров народного художества, которыми так богата наша многонациональная страна.

Гжельская керамика. Чайник.

У богородских резчиков

Отчего же так сложилось? Почему многие настоящие произведения народного искусства можно увидеть только в музее, но нельзя отыскать на полке магазина?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надобно было, видимо, отправляться туда, где создаются эти произведения.

Мы вспомнили виденные в музее — порою лирические, порою освещенные улыбкой — прелестные по тонкости скульптуры, вырезанные из некрашеного дерева. Выбор был сделан: мы отправились туда, где были сделаны эти скульптуры: в Загорский район, в село Богородское.

Вскоре после Загорска путь, лежавший до сих пор по шумному Ярославскому шоссе, ушел влево, еще час спустя дорога поднялась в гору и вошла в улицу, застроенную домами, изукрашенными столь тонкой и щедрой деревянной резьбой, что нечего было и спрашивать: конечно же, это оно— Богородское...

Улица была пуста. Только выехав на поросшую травой и обсаженную приземистыми старыми липами сельскую площадь, увидели мы женщину, которая прибирала крыльцо большого дома. В доме этом и находилось правление артели «Богородский резчик».

— На покосе все, — объяснила женщина. Мы прошли в комнату, где одну из стен занимали застекленные полки, сплошь уставленные деревянными фигурками и группами.

Здесь были лошади и лоси, застигнутые на бегу, в напряжении своих могуче развитых мышц. Несколько групп изображали чаепитие: фигурки располагались вокруг столов иногда по-двое — степенные муж с женой; иногда по-четверо — болтливые, распарившиеся у самовара кумушки; книзу от стола свисала хитро приспособленная гирька, — раскрути ее, и пошли подниматься к губам и опускаться к столу распяленные на пальцах блюдечки с чаем...

Прислонившись друг к дружке, стояли на полке два деревянных щелкунчика: на голове заморская шляпчонка с пером, лицо зверское, брюхо косое, — был бы страшен, а поглядишь на тоненькие ножки в щегольских сапогах — смешно. Если нажать у него в спине пластинку, жадный рот распахнется, вот и бросай туда кедровый орешек. Щелкун скорлупку раскусит, а ядрышко отдаст, — в том, оказывается, и все его дело. Эту фигурку придумывал, видать, настоящий сказочник — с секретом, с хитринкой, с улыбкой...

Оторвал нас от разглядывания полок технорук Василий Степанович Зинин.

— Это что же, музей ваш? — спросили мы у него.

— Музей — не музей, а так, что сумели собрать. Этого ведь у нас давно не делают.

Про щелкунчиков и про деда в гречневике он сказал, что сделаны они лет пятьдесят назад, а про одно из «чаепитий» и еще про несколько отличных фигурок ответил неожиданно:

— Я резал. Что со старых работ скопировал, что сам придумал. Для удовольствия...

— А выпускать их почему перестали?

— Так ведь не берут их у нас. Торгующие учреждения говорят—«спросу нет».

— А что же у вас берут?

Вместо ответа Зинин предложил пройти в склад готовой продукции — просторную избу за углом. Там большая горница уставлена была стеллажами, на которых грудами лежали пестрые игрушки.

Под яркими красками с трудом узнавались те самые фигурки, которые мы уже видели и в витрине правления. Впрочем, типов игрушек здесь было очень немного: дровосеки, кузнецы, рыбак, вытаскивающий рыбку, да расположенные на кругу курочки, клюющие зерно. Были еще и детские вешалки для полотенец в виде ярко раскрашенных петухов. Ярко раскрашено было и все остальное. Под краской и лаком исчезала не только прелестная чистота дерева, всегда отличавшая богородскую игрушку, — исчезал и самый характер фигурки, обезличивалась рука мастера.

— Зачем же это?

— Так заказчик требует, — Зинин нетерпеливо повел плечами: дескать, говорено-переговорено об этом, а сколько ни толкуй, все ни к чему не приводит...

Теперь понятно стало, почему лишь «для своего удовольствия» копирует Зинин старинные белые игрушки. Немногие некрашеные скульптуры еще выпускаются артелью. Но мастерам не нравится, что комиссии, приезжающие к ним, чтобы утвердить образцы, непременно требуют натуралистического правдоподобия, да еще заставляют зализывать деревянные скульптуры наждачной «шкуркой».

Ведь в мнимой незаконченности, рожденной своеобразным видением натуры, в сохраненной шероховатости фактуры дерева, в умении разглядеть сучковатый чурбачок так, чтобы сразу увидеть в нем единственно возможную будущую фигурку, — во всем этом именно и сказывается **творчество**, из этого и рождается вся прелесть истинного большого искусства.

Вернулся с лугов председатель Николай Васильевич Очкин. Мы снова пошли с ним в правление, и он подтвердил цифрами и фактами все, о чем говорили мастера.

Финансовый план у артели немалый: валовой продукции нужно выдать на два миллиона триста тысяч рублей.

Главная статья дохода, как мы уже поняли, — та самая массовая стандартная игрушка, которую торгующие учреждения вывозят отсюда охотно и безотказно. Таких игрушек изготовляется в Богородском почти на полтора миллиона рублей. Затем, оказывается, следует такой вид продукции, которого мы на складе не приметили и о котором старые мастера стыдливо умолчали. Это... резные головки для шахматных коней. Артель ежегодно производит таких головок на семьсот тысяч рублей. Прибавим сюда массовую игрушку. Окажется, что план почти и покрыт. А какое же место остается в плане для деревянной скульптуры, которая должна быть его основой?

Остается меньше десяти процентов. В прошлом году, например, торгующие учреждения купили у богородских резчиков скульптуры всего лишь на сто двадцать тысяч рублей.

Нынче в артели «Богородский резчик» работают 160 человек. Примерно 130 из них заняты изготовлением той массовой продукции, о которой мы говорили выше. Опытных мастеров, которые умеют делать вещи, какими любуемся мы в музеях, — не более десяти. Кроме них, есть еще примерно двадцать мастеров, делающих те фигурки зверей, что в небольшом количестве доходят все же до магазинов.

В Богородском существует профессионально-техническая школа, где готовятся резчики по дереву. Там обучается около полутораста подростков. По окончании школы каждый из них обязан проработать два года в артели. Срок этот соблюдается. Но после его окончания большинство молодых резчиков покидают артель. Способным резчикам оставаться тут неинтересно: они не находят применения своему искусству — не век же сидеть над одной и той же головкой шахматного коня.

Здесь, в Богородском, когда мы беседовали с мастерами-резчиками, любовались их работами, живо ощущали ту тесную связь, какая существует между исстари зародившейся тут светлой деревянной скульптурой и окрестными лесами, где до наших дней не перевелись лоси и где все дышит эпической и чистой поэзией народной сказки, особенно ощутима была нелепая неправда о ненадобности высокого здешнего искусства, неправда, которой и сами богородские мастера начали было, к сожалению, верить.

Но неумелая, из рук вон плохая организация сбыта — это лишь одна из бед, мешающих развитию народного художественного творчества. В том, что есть еще и другие беды и сложности, нам довелось убедиться при знакомстве с положением дел в других артелях и в руководящих ими организациях.

Искусство и „вал“

Мастер, работающий финифтью, выполняет свои миниатюры на металлических пластинках. Эмалированная посуда тоже, как известно, изготовляется из металла. Единством материала, сырья и исчерпывается общность художника-миниатюриста с рабочим, изготовляющим кастрюли и ведра. Но ярославскому облпромсовету и этой малой общности оказалось достаточно, чтобы включить семнадцать мастеров художественной финифти, работавших в Ростове-Ярославском, в существующую в том же городе Первую механическую артель, которая производит эмалированную посуду, делает ведра, ремонтирует велосипеды, чинит часы, лудит котлы и самовары. Так одним лишь организационным мероприятием было начато уничтожение старинного и редкостного искусства русской финифти.

Ростовские мастера финифтяной живописи, с полным на то правом, считают себя наследниками блестящего миниатюриста Бурова, жившего здесь в середине XVIII столетия, наследниками многих других талантливых живописцев, в течение чуть ли не двухсот лет писавших в Ростове свои миниатюры. Пожалуй, иные из учеников даже превзошли своих учителей, если не в технологии, которая осталась все той же, то в разнообразии тем, в более широком и смелом применении своего искусства, наконец, в рисунке, ставшем реалистичнее.

Помнится, как нынешней зимой, когда кирпичные стены и башни ростовского кремля были розовыми от инея и цвет их вместе с золотом куполов, с голубизной солнечного морозного неба напоминал чистые тона здешней финифти, заставляя думать, что не случайно именно в древнем Ростове сложилось это удивительное искусство,— помнится, как в этот день мы с горечью и болью ходили по финифтяному цеху названной уже нами артели. За длинными столами работали живописцы. Они расписывали рыночные брошки и медальоны для карманных зеркалец, в сотый раз повторяя один и тот же осточертевший безвкусный рисунок. Было видно, что они озабочены только лишь тем, чтобы выполнить эти цветочки с той натуралистической точностью, какая убивает искусство, но зато отвечает стандартам и нормам отдела технического контроля.

Из Богородского в Загорск мы ехали, вспоминая веселых, пестрых загорских «матрешек» и деревянные коробки и вазы.

Когда у сотрудников загорского музея мы стали дознаваться, где же можно теперь отыскать мастеров, работавших все эти разнообразные и радующие глаз вещи, нам ответили, что все они вошли в артель имени Красной Армии, выпускающую игрушки.

Артель эта оказалась большой фабрикой с весьма широкой механизацией рабочих процессов. Делаются здесь обыкновенные куклы из окрашенного в телесный цвет папье-маше, пегие лошадки на колесиках, деревянные игрушечные грузовики...

— А как же старая загорская художественная игрушка?— спросили мы у председателя артели Н. А. Цидилина.— Делаете вы ее?

— «Матрешку» делаем, — сказал он без удовольствия. — «Матрешка» идет хорошо.

В немалом (одиннадцать миллионов рублей в год) плане фабрики «матрешки» занимают около двенадцати процентов. Все остальные старые загорские игрушки исчезли, художественная роспись—тоже.

В Воронеже не так давно закрылась артель «Керамика», выпускавшая своеобразные художественные изделия.

Отличная художественная керамика выпускалась в той же Воронежской области еще и в Калаче. Теперь там создана большая артель «Коллективный труд». Но по плану она должна выпускать лишь бытовую глиняную посуду без художественных украшений и изготовлять кирпич.

Казалось бы, план любого предприятия должен быть составлен так, чтобы способствовать всестороннему развитию этого предприятия. В таком плане, наряду с количеством, следует предусмотреть и качество, и ассортимент выпускаемой продукции. Но в том-то и беда, что планы художественно-промысловых артелей представляют собой так называемый «вал», недопустимый вообще и особенно губительный для искусства.

Артель «Хохломская роспись», к примеру, выпускала свыше ста различных видов художественных изделий, в том числе и знаменитую расписную хохломскую мебель. Сейчас эта артель изготовляет главным образом деревянные ложки, уполовники и незатейливые стаканчики.

Точно так же и валовой план артели «Гуцульщина» выполняется не той редкостной инкрустированной мебелью из бука, которая вызывает всеобщее восхищение на выставках, не резными деревянными тарелками, ларцами и скульптурами, а простыми в изготовлении пепельницами и ручками.

Именно изобретательностью своей, многообразием необычайно тонких изделий славятся на протяжении тысячелетия кубачинские ювелиры. В Кубачах делались кувшины и табакерки, ларчики и кубки, браслеты и перстни. На выставках все это можно увидеть и теперь. Но выставки — одно, а «вал» — другое. И «вал» выносит из Кубачей только два изготовляющихся по стандарту предмета: рюмки и подстаканники, по которым никак нельзя представить себе высокое совершенство старинного искусства.

Есть что-то бессмысленное, безразлично тупое, когда речь идет об искусстве, в этом всепоглощающем слове: «вал». Но и в бессмыслице, оказывается, существует своеобразная «логика»: если из дерева одинаково выгодно производить художественные изделия и канцелярские ручки, если из глины можно изготовить и керамику и, скажем, кирпич, то разве не проще делать именно ручки, именно кирпич, тем более, что это предметы полезные и необходимые. Таким, видимо, логическим путем пришли руководители промысловой кооперации некоторых областей Украины к решению: перевести ряд артелей, изготовлявших художественную керамику, на выделку кирпича. Примерно то же самое произошло с артелью «Гжельская керамика» под Москвой. Здесь издавна вырабатывали художественные керамические изделия, но вот уже несколько лет, как артель почти полностью перешла на производство изоляторов. Что же до традиционной гжельской фарфоровой посуды, которую артель, наряду с изоляторами, все же в небольшом количестве еще продолжает выпускать, то художественные ее достоинства падают из года в год. Сказалась тут, конечно, и попытка соединить несовместимое — изготовление предметов искусства с поточным выпуском промышленной продукции. Но есть и еще причина.

Скопинская керамика. Кувшин.

По существующему положению, вся промысловая кооперация работает на местном сырье или на отходах предприятий государственной промышленности. Это абсолютно правильно в отношении всех артелей, за исключением художественных.

Председатель правления артели «Хохломская роспись» тов. Пчелкин в своем письме в редакцию «Литературной газеты» рассказывает:

«На токарные изделия и, в особенности, на производство расписной мебели должна итти липа. Однако этого материала артель либо не получает вовсе, либо получает в незначительном количестве. Мастера вынуждены использовать породы дерева, не подходящие для производства, например, березу... Уникальный мебельный гарнитур, на роспись которого целый коллектив мастеров затратил много сил и способностей, не выдержал закалки в печи при высокой температуре и пришел в негодность, так как был изготовлен из некачественного дерева. Благодаря этому производство расписной мебели прекращено».

Прелесть гжельской керамики—в ее молочной белизне, в синем с золотом узоре. Но артель долго не получала золота, а вместо кобальта ее снабжают мутной синей краской. Поэтому гжельские керамические изделия, которые иной раз случается увидеть в продаже, очень отдаленно напоминают уникальные образцы, демонстрирующиеся на выставках.

Примерно то же, хотя и не в такой степени, происходит с изделиями известной Опошненской керамической артели. С горечью пишет в редакцию председатель артели «Художній керамик» в Опошне тов. Демченко:

«Без минимального процента свинцовых окисей нельзя достигнуть блеска и прозрачности глазури. Поэтому мы порочим марку артели».

В неразрешимую проблему вырастают такие вопросы, как снабжение артелей нитрокрасками и даже красками обыкновенными, лаками для папье-маше, фарфоровым бисером и многими другими материалами, в достаточном количестве изготовляющимися нашей промышленностью.

Плохое снабжение художественно-промысловых артелей необходимыми материалами, из рук вон плохая организация сбыта их изделий, неверные критерии, которые прилагаются к этим изделиям приемочными комиссиями, планирование «валового» выпуска продукции, приводящее к предельному обеднению ассортимента, слияние артелей по принципу *однородности используемого сырья*,— все эти беды, мешающие развитию разнообразного искусства народных мастеров, проистекают из одной главной причины.

Руководители Центропромсовета не видят в мастере, работающем над произведениями народного искусства, художника и не понимают, сколь велико значение этого искусства в украшении быта советского человека. Не понимая ни роли художника, ни места его творчества в жизни советского общества, руководители промысловой кооперации не способны увидеть корень зла и принять необходимые меры, которые способствовали бы подъему и расцвету художественно-промысловых артелей.

Нужен универмаг художественных промыслов

Вернувшись из Богородского и Загорска, припомнив все то, что нам довелось видеть нынешней зимою в Ростове-Ярославском, прочитав письма, присланные в «Литературную газету» из многих художественно-промысловых артелей, мы снова отправились в магазин на Петровке. Ведь только работники этого единственного в столице магазина художественных изделий встречаются каждодневно с настоящим, живым потребителем произведений народного художества, и только у них можно дознаться, откуда же пошел разговор, будто произведения эти не находят сбыта.

Директор магазина Н. Д. Сидоров оказался человеком, искренне любящим свое дело и понимающим его назначение — распространение высоких эстетических вкусов; многие продавцы более чем по десятку лет являются ревностными посредниками между народными мастерами и покупателями.

В беседах с ними мы окончательно убедились, насколько лживы разговоры, будто в изящных и тонких вещах, украшающих быт, не нуждаются советские люди.

Дело не в желаниях покупателя, которыми попросту никто всерьез еще не интересовался. Дело, действительно, только в организации сбыта — в том, что между артелью и покупателем стоит множество инстанций, которые собственную безвкусицу норовят выдать за вкусы народа, которые не хотят возиться с товаром нестандартным и потому куда более сложным, нежели обувь или галантерея. Но даже и в тех случаях, когда люди от души стремятся делать свое дело хорошо, как стремятся к этому работники магазина на Петровке, им не удается осуществить свои добрые намерения.

Финансовые органы присвоили магазину низкий разряд. Валовой план вынуждает наряду с предметами искусства торговать детскими колясками, хлорвиниловыми сумками, ядовито-оранжевыми абажурами, платками. Мосторисполком (заместитель председателя по торговле И. Ф. Лопманов), хотя магазин и без того тесен и мал, отказал ему в праве использовать находящиеся при этом магазине подсобные помещения, да еще грозится и вовсе выселить его отсюда.

Магазин непосредственно связан с 88 артелями. Но из-за того, что многие его полки забиты товарами, не имеющими никакого отношения к народному художеству, из-за того, что нет склада, приходится искусственно сокращать заказы, а то и совсем отказываться от многих полюбившихся уже покупателям изделий.

После всего, о чем мы рассказали, сложились у нас некоторые предложения, адресованные, главным образом, Центропромсовету, Министерству внутренней и внешней торговли СССР и в известной степени Главному управлению по делам искусств Министерства культуры СССР и Оргкомитету Союза советских художников.

На наш взгляд, необходимо:

1. Открыть в Москве универсальный магазин народно-художественных промыслов всех шестнадцати союзных республик. Открыть его в центре, быть может, в том же Петровском пассаже, где расположены сейчас магазины промысловой кооперации, торгующие стандартной продукцией, в изобилии имеющейся на прилавках множества других окрестных магазинов. В этом универмаге должен работать художественный совет, должны устраиваться выставки новых образцов. Именно по образцам, изготовленным для массового сбыта, а не по уникальным произведениям, показанным на выставках, должна оцениваться работа артелей. Здесь должны встречаться мастера народного художества и потребители. Такой универмаг станет украшением столицы, демонстрируя неисчерпаемое богатство народных талантов, многонациональную яркость социалистической культуры. Подобные магазины, по примеру уже существующего в Киеве, следует открыть в столицах союзных и автономных республик. Кроме продукции местных артелей, в этих магазинах должны быть представлены и изделия мастеров других республик.

Дагестанский ковер

2. Восстановить ассортимент выпускаемых артелями художественных изделий во всем его исторически сложившемся многообразии.

3. Выделить в самостоятельные артели мастеров народного художества, нередко работающих сейчас в промыслово-кооперативных предприятиях, которые производят из того же сырья продукцию, ничего общего с искусством не имеющую. Сократить количество инстанций, утверждающих новые образцы. Обеспечить артелям квалифицированное руководство, создав специальное управление в системе Центропромсовета.

4. Создать во всех художественно-промысловых артелях художественные советы, творческие группы, лаборатории; проводить среди мастеров конкурсы на новые виды изделий, предусмотрев в сметах фонды для оплаты новых образцов.

5. Уничтожить систему валового планирования, составлять производственно-финансовые планы так, чтобы артель была заинтересована в выпуске художественных изделий в широком ассортименте.

6. Покончить с нелепой практикой, при которой руководство промысловой кооперации планирует для художественных артелей ежегодно такое повышение производительности труда, какое естественно для механизированных предприятий, но не может быть осуществлено мастерами-художниками, чьим основным инструментом являются и будут являться их собственные руки. Повышать производительность труда следует, механизируя некоторые поддающиеся этому процессы предварительной обработки сырья. Наиболее же существенным средством для увеличения количества и улучшения качества выпускаемой продукции является постоянная забота о воспитании кадров. Поэтому надо улучшить работу профтехшкол, существующих в кое-каких районах с развитыми художественными промыслами, и восстановить такие школы, которые существовали прежде, но были закрыты в последние годы (Хохлома, Кубачи, Ростов-Ярославский и др.).

7. Уяснить, что качество художественного изделия — это и есть его художественность. А художественность во многом зависит от того материала, который имеет в своих руках мастер. Поэтому надобно удовлетворять потребности артелей в необходимом им сырье.

***

Вот уже высказаны и последние, казалось бы, заключительные практические соображения, а хочется все же поделиться с читателем еще и иными раздумьями.

— А не окажется ли тщетной забота о том, чтобы росли и развивались все эти рассыпанные по нашей стране небольшие промыслы? — возникал иногда тревожный вопрос. — Может быть, упадок народного художества — процесс закономерный и неизбежный? Разве, как всякий другой вид кустарного труда, не обречены и художественные промыслы на умирание перед лицом развивающегося машинного производства?

— Нет! — отвечали мы решительно на все эти вопросы.

Замена ручного труда машинным производством — исторический процесс, естественный и неотвратимый. Артели, которые были кустарными, превратились в механизированные предприятия, которые, в сущности, отличаются от предприятий государственных лишь формой собственности.

Все это так, но когда речь идет о мастере, изготовляющем предметы так называемого прикладного искусства, мы говорим не о кустаре, а о художнике. Его труд в основе своей сродни труду писателя, скульптора, живописца...

Человек, который, увидев бегущего лося в лесу, прочитав стихи Пушкина, изумившись перед красотой героического подвига или перед совершенным созданием человеческого разума, восхитившись раскраской бабочки или цветка, стремится запечатлеть в дереве или на кости, в орнаменте на податливой глине, в узоре ковра или вышивки свою художественную взволнованность, причем делает это по-своему, выражая в творчестве собственную индивидуальность, — такой человек — художник.

И пока существует потребность создавать прекрасное, — а она неистребима, как сама жизнь, и социалистическое общество всем строем своим способствует развитию этой потребности, — до тех пор будет существовать и народное художество.

Пока существует потребность любоваться прекрасным, — а она тоже неистребима, как неистребима жизнь, и социалистическое общество, поднимая культуру каждого человека, развивая его эстетические вкусы, всемерно способствует развитию этой потребности, — до тех пор будет существовать и народное художество.

Строя коммунизм, мы несем в него с собою все лучшее, что украшало жизнь людей, обогащало их духовный мир, и в этом нашем неотъемлемом достоянии немалое место принадлежит и народному художеству.

Ефим ДОРОШ,
Александр МАРЬЯМОВ

Новые стихи

ПАМЯТНИК

Дивизия лезла на гребень горы
По мерзлому, мертвому, скользкому
камню,
Но вышло,
что та высота высока мне.
И пал я тогда. И замолк до поры.
Солдаты сыскали мой прах по весне,
Сказали, что снова я Родине нужен,
Что славное дело,
почетная служба,
Большая задача поручена мне.
— Да я уже с древней землею
смешался!
Да, я уж травой молодою пророс!
«Вставай, подымайся!» —
Я встал и поднялся.
И скульптор размеры на камень
нанес.
Он складки лица, измененного
криком,
Спокойно разгладил резцом
ножевым.
Я умер простым, а поднялся великим.
И стал я гранитным,
а был я живым.
Расту из хребта,
как вершина хребта.
И выше вершин
над землей вырастаю,
И ниже меня остается крутая,
Посмертно
мной взятая высота.
Здесь скалы от имени тверди стоят.
Здесь сокол
от имени неба летает.
Но выше поставлен пехотный солдат,
Который Советский Союз
представляет.
От имени Родины здесь я стою
И кутаю тучей ушанку свою!
Отсюда мне ясные дали видны —
Просторы
освобожденной страны,
Где графские земли
вручал батракам я,
Где тюрьмы раскрыл,
где голодных кормил,
Где в скалах не сыщется
малого камня,
Что кровью своей бы я не окропил.
Стою над землей,
как пример и маяк.
И в этом
посмертная служба моя.

Борис СЛУЦКИЙ

ДУБОК

Мой приятель лесник говорил мне когда-то не раз:
Верь тому, кто себя не спешит выставлять напоказ.
Погляди на дубок, что стоит на поляне лесной.
Позже всех он весной расправляет свой лист вырезной.
И так медленно-медленно тянется ввысь от земли,
Что березки и ветлы давно его переросли.
Крепко корни в земле утвердил он, и, дай только срок,
Всех оставит в тени ставший дубом вчерашний дубок.
Будет грозы встречать, непреклонен, суров и велик...
Я слова твои помню, мой старый приятель лесник!

Николай РЫЛЕНКОВ

По страницам газет

Выше уровень творческой работы!

В передовой статье под таким названием украинская «Літературна газета» высказывает ряд серьезных критических замечаний в связи с продолжающимся отставанием организационной и творческой работы в Союзе советских писателей Украины. Здесь, как пишет газета, «...на многочисленных собраниях и заседаниях можно услышать много правильных речей о ближайших задачах. В постановлениях и резолюциях можно прочитать много хороших предложений о перестройке, подъеме и улучшении работы. В то же время нужно с полной откровенностью признать: в нашем Союзе слова пока еще достаточно часто расходятся с делом».

Указав на некоторые бесспорные достижения в работе ССПУ, на ряд интересных произведений, написанных за последнее время украинскими писателями, «Літературна газета» отмечает, что в сравнении с огромными задачами, стоящими ныне перед литераторами Украины, эти успехи еще не удовлетворительны:

«Достаточно сослаться хотя бы на то, что вот уже два года правление ССПУ никак не соберется созвать свой очередной пленум; что оно не проверяет, как выполняются важные постановления предыдущих пленумов ССПУ, недостаточно развертывает в Союзе критику и самокритику; что, несмотря на многочисленные критические замечания со стороны широкой писательской общественности, заместители председателя правления ССПУ так и не включаются в повседневную жизнь Союза; что значительная часть писателей, которым доверена ответственная и почетная работа в редакционных коллегиях печатных органов Союза, в редакционных советах издательств или в бюро творческих секций и комиссий, относится к исполнению своих обязанностей формально, не проявляет живой инициативы, а то даже и не является на заседания. Нужно ли доказывать, что все это влечет за собою ряд существенных недостатков и пробелов в работе Президиума ССПУ, печатных органов Союза, творческих комиссий и секций и т. д.».

«Літературна газета» напоминает о том, что за последнее время в издательстве ССПУ «Радянський письменник» вышло в свет несколько слабых сборников стихов, и делает вывод:

«Значительная часть вины за выпуск этих недоработанных книг ложится и на редакционный совет издательства, который в данном случае не проявил деловой заинтересованности в том, чтобы повысить идейный и художественный уровень упомянутых изданий. А разве в первую очередь не весь состав бюро, скажем, секции очерка повинен в том, что эта секция так по сути ничего и не сделала за весь прошлый год!»

Газета указывает, что и в областных писательских организациях Украины немало подобных недостатков:

«Лишь отсутствием хорошо налаженной работы редакционных коллегий можно прежде всего объяснить отставание альманахов «Литературный Донбасс», «Харків», «Літературна Одеса», «Радянське Закарпаття». Только потому, что руководство Харьковского, Львовского, Закарпатского отделений ССПУ примирилось с пассивностью многих членов этих писательских организаций, здесь в работе творческих секций продолжает существовать застой, в областных издательствах почти не выходят новые, сколько-нибудь заметные книги, не принимаются меры к налаживанию, укреплению живых связей между писателями и читателями, к широкому развертыванию критики и самокритики, к улучшению воспитательной работы среди литературной молодежи».

Критические замечания украинской «Литературной газеты» имеют под собой достаточно веские основания. Нет сомнения в том, что писательская общественность Украины с большим интересом и вниманием встретит ответ руководства ССПУ на выступление своего печатного органа.

Улучшить работу грузинской писательской организации

Под таким заголовком опубликован на страницах газеты «Заря Востока» (орган ЦК КП Грузии) отчет о заседании президиума правления Союза советских писателей Грузии совместно с писательским активом. Писатели обсудили передовую статью «Правды» — «Улучшать работу творческих организаций».

Открывая заседание, первый секретарь правления Ир. Абашидзе подчеркнул, что те недостатки в работе творческих организаций, которые с большой остротой и принципиальностью критикует «Правда», целиком и полностью присущи и Союзу советских писателей Грузии, — говорится в отчете. — В докладе секретаря правления С. Чилая, в выступлениях Б. Жгенти, И. Мосашвили, С. Эули, Г. Натрошвили, А. Гомиашвили, Гр. Абашидзе содержалась верная в основном критика деятельности Союза советских писателей Грузии, его секций и печатных органов союза — «Литературули газети» и журнала «Мнатоби».

Выступавшие на заседании отмечали, что в Союзе советских писателей Грузии процветали парадность, казенщина, отдавалась дань идеалистической антимарксистской теории культа личности, что нанесло большой ущерб развитию грузинской советской литературы.

До сих пор не стоят в центре внимания писательской организации вопросы идейного воспитания писателей, их творческого роста. Отсутствие подлинно творческой атмосферы в Союзе писателей Грузии нашло выражение и в том, что некоторые писатели ограждались от критики. Если же критика все же прорывалась, то неизменно встречалась в штыки.

Многие ведущие писатели редко посещают заседания секций ССП Грузии. На этих заседаниях не критиковались произведения, содержащие серьезные недостатки, захваливались слабые, незрелые произведения.

После 1946 года съезд писателей Грузии не созывался, а пленумы правления собирались редко, причем не всегда они проходили на высоком идейном уровне.

Серьезные недостатки в деятельности Союза советских писателей Грузии, — отмечалось на заседании, — весьма отрицательно сказываются на творческой активности наших прозаиков, поэтов, драматургов, критиков. Наши писатели все еще в большом долгу перед народом. Темы дружбы народов Советского Союза, являющейся основой основ нашего многонационального социалистического государства, передовой роли великого русского народа в строительстве коммунистического общества, дружбы грузинского и русского народов пока еще не получили всестороннего отображения в грузинской литературе. В творчестве некоторых грузинских писателей имеют место нездоровые тенденции и проявления буржуазного национализма.

Справедливый счет предъявили участники заседания журналу «Мнатоби» и грузинской «Литературули газети».

Президиум правления ССП Грузии решил провести в сентябре пленум, посвященный обсуждению неотложных задач Союза писателей Грузии.

90-летие М. П. Чеховой

Исполнилось 90 лет со дня рождения Марии Павловны Чеховой — сестры, близкого друга и помощника Антона Павловича Чехова, хранительницы его литературного наследства. По ее инициативе создан мемориальный Дом-музей А. П. Чехова в Ялте, известный теперь во всех уголках Советского Союза.

В Ялте в городском театре имени Чехова состоялось собрание, посвященное 90-летию со дня рождения Марии Павловны. На собрании был оглашен Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении М. П. Чеховой почетного звания Заслуженного деятеля искусств РСФСР в связи с 90-летием со дня рождения и за заслуги в деле собирания, хранения и изучения литературного наследства великого русского писателя А. П. Чехова. Юбиляра приветствовали народные артисты СССР О. Книппер-Чехова и А. Грибов, представители культурных и общественных организаций. Получены поздравительные телеграммы от писателей, артистов, ученых.

Вечер закончился концертом, в котором приняли участие артисты МХАТ и Большого театра СССР.

НА ГАСТРОЛЯХ В МОСКВЕ

ПОИСКИ ГЛУБОКИХ РЕШЕНИЙ

Б. ГАЛАНОВ

Новосибирский драматический театр «Красный факел», гастролирующий сейчас в Москве, в текущем году начинает 34-й сезон. Это зрелый, сложившийся творческий коллектив, с богатыми традициями, сильный своей режиссурой, актерским составом не только старшего и среднего поколения, но и способной молодежью. А театр, который опирается на молодые кадры, может не опасаться за свое будущее.

Когда смотришь подряд спектакли театра, отмечаешь прежде всего его яркое своеобразие. «Красный факел» имеет собственное творческое лицо. Это отрадно потому, что есть театры безликие, которые накопили солидный стаж, переиграли множество пьес, но все еще не удосужились определить свои художественные позиции.

«Красный факел» тяготеет к психологической драме, добивается углубленного раскрытия мира человеческой души. Не случайно творческий облик театра в значительной мере определяют пьесы Островского, Чехова, Горького.

Гастроли театра в Москве открылись горьковским спектаклем «Зыковы». Что прежде всего удалось в нем? Цельные, живые образы Антипы Зыкова и его сестры Софьи. Исполнение этих ролей артистами Н. Михайловым и К. Гончаровой красноречиво убеждает, что актерам театра под силу сложные создания горьковской драматургии. В исполнении Н. Михайлова Зыков — энергичный, независимый, жадный до дела человек, который сам, своей рукой «жизнь свою возводил», а теперь разочаровывается в собственном классе, начинает ощущать бесцельность своего существования. Конфликт Зыкова с обществом предвосхищает конфликт Булычова, хотя Зыков еще и не столь ясно, как Булычов, осознал, что «не на той улице живет». В этом смысле Зыков—прямой предшественник Булычова.

Думается, однако, что Н. Михайлов несколько идеализирует образ Зыкова: наряду с привлекательными чертами недостаточно подчеркивает отрицательные, присущие Антипе, как представителю купечества. А ведь при чтении пьесы ясно видно, что сильная воля Зыкова переходит в деспотизм, что деятельная его натура отравлена духом стяжательства.

Особенно ярко волевое, активное начало подчеркнуто Горьким в образе Софьи. Зрелое мастерство актрисы К. Гончаровой помогло ей создать сильный, незаурядный характер. Быть может, острее, чем Антипа, переживает Софья трагедию одиночества, глубже осознает невозможность найти счастье в своем кругу. Но в то же время она верит, надеется, что придут честные, хорошие работники, что «живет и растет другая... Русь».

Несмотря на удачу исполнителей главных ролей, одно из труднейших произведений горьковской драматургии все же недостаточно глубоко прочитано театром. Трагедия семьи лесопромышленника Антипы Зыкова, конечно, не только в том, что сам он полюбил недостойную его женщину и разочаровался в собственном сыне, а Софья не может найти личное счастье. В пьесе люди крупнее, сложнее и интереснее, чем в спектакле. И это особенно наглядно ощущается, когда анализируешь образы представителей младшего поколения — Павлы и Михаила Зыкова.

В. Капустина играет мелкую хищницу, откровенную в своих поступках и стремлениях. Но так ли проста и прямолинейна Павла? Ее мещанская, мелочная ограниченность и жестокость запрятаны под личину внешней кротости. Павла мучит людей, хотя сама кажется наивной и беззащитной; в ней есть обаяние юности. Влюбленному Антипе она даже представляется воплощением добра и чистоты. Для того, чтобы обличить эту «кроткую змею», мало одеть ее в зеленое «змеиное» платье и представить (кстати, пьеса не дает для этого основания) искушенной обольстительницей. Такое поверхностное толкование образа еще не объясняет его социальную суть. Павла проповедует христианскую любовь и всепрощение. Но эта «правда» лживых, лицемерных людей, насквозь лицемерная и выдуманная, только парализует волю.

Тоньше, сложнее и противоречивее в пьесе и образ Михаила. Это фигура более драматическая, чем комическая. Михаил наблюдателен, умен, глубоко осуждает собственное душевное бессилие. Его реплики драматичны и всегда окрашены настоящей горечью. Ошибается артист С. Галуза, который играет Мишу этаким «дурашливым», пьяненьким чудаком и чуть не все свои реплики старается «подавать» на публику, возбуждая смех и аплодисменты.

Вряд ли, конечно, можно упрекнуть руководителя театра, опытного и серьезного режиссера В. Редлих в том, что она плохо поняла социальный смысл горьковской пьесы. И все же в сценической трактовке произведения не всегда достаточно проявляется связь личной трагедии с социальной. Театр часто играет только внешнюю фабулу. Это приводит к тому, что история Антипы Зыкова, да и других членов его семьи, скорее оборачивается бытовой драмой и даже мелодрамой.

Серьезным экзаменом для театра стала постановка «Чайки». Сравнивая две большие работы театра над произведениями классической драматургии, следует сказать, что в «Чайке» артистам и режиссуре лучше удалось передать внутреннее действие, внутреннюю жизнь образов. Наперекор скучной прозе жизни в спектакле торжествует поэтическое начало, он проникнут бодрым мироощущением. Благодаря вдумчивой игре большинства актеров раскрывается философское содержание пьесы — лирическое раздумье о жизни, о творчестве, светлые мечты о будущем.

Но, оценивая работу всего ансамбля исполнителей, хочется пожелать ему большей сдержанности, экономности в выражении сокровенных мыслей и чувств. Чехов не раз высказывал пожелание, чтобы сложные переживания человеческой души актеры передавали «не ногами, не руками, а тоном, взглядом». Можно, например, согласиться с рисунком роли Аркадиной, который дает Е. Агаронова, подчеркивая в облике, в поведении Аркадиной фальшь, актерство, наигрыш. Но «разоблачая», она порой излишне усиливает чисто внешние черты. Есть такой недостаток и у С. Галузы, хотя в общем он верно понял и сыграл Треплева — человека одаренного, которого губит как художника — да и в житейском плане приводит к катастрофе — отсутствие определенной цели, идеи.

Сцена из спектакля «Кряжевы». Надежда — В. Капустина, Петр — С. Галуза

В роли Нины Заречной выступает В. Капустина. Успех исполнительницы роли Нины во многом определяет удачу спектакля, так как с этим образом в пьесе органически связана мажорная, жизнеутверждающая тема. Треплев не хочет, не может мириться с грубой прозой жизни, но и не имеет сил для борьбы. Напротив, Нина, пройдя через многие страдания, испытав горе и разочарование, обретает душевную стойкость, находит свое призвание, свою дорогу в жизни. Трудную сцену в финале пьесы актриса проводит с большим подъемом, передавая сложную гамму чувств своей героини: и горечь пережитых страданий, и неугасшую любовь к Тригорину, и светлое воспоминание об ушедшей молодости, и крепнущую веру в свои силы.

С настоящей творческой заинтересованностью отнесся театр к работе над пьесой «Кряжевы» молодого новосибирского драматурга В. Лаврентьева. Драматическая хроника семейства Кряжевых, в которой ощущается широкий социальный фон, во многом оказалась созвучной устремлениям театра. Сравнивая журнальный текст пьесы, опубликованный в «Сибирских огнях», с ее сценическим вариантом, видишь, как много поработали театр и драматург, преодолевая громоздкость пьесы. Однако и сейчас еще пьеса слишком перегружена материалом. Некоторые сюжетные линии, по сути дела, являются заявками на вполне самостоятельные драматургические произведения.

Главная удача автора и театра — образ Михея Кряжева. Судьбу кровельщика Кряжева, судьбу его семьи писатель прослеживает на протяжении целого тридцатилетия, начиная с 1903 года. Михей Кряжев всю жизнь трудился, чтобы обеспечить семью, дать детям образование. Но достатка нет. Семья распадается, пустеет большой дом, с трудом отстроенный Михеем для детей.

Отличным исполнителем роли Кряжева явился А. Аржанов. В его игре есть неотъемлемое качество драматического таланта — подкупающая естественность, умение передать психологическое состояние своего героя. Вспомним едва ли не самый сильный эпизод в «Кряжевых» — финал первого акта. Михей надеется поправить материальные дела, выдав любимую дочь Надежду за купеческого недоросля Евграфа Плахина. Надежда бежит из родительского дома. Она прощается с младшей сестрой. А в это время Михей, не замеченный дочерьми, появляется из боковых дверей. Самые противоречивые чувства борются в его душе. Но, ничем не выдав себя, он молча благословляет уход Надежды. Тонко раскрывает артист в этой короткой сцене, что отцовское, человеческое чувство торжествует над другими.

В. Капустина играет Надежду темпераментно, увлеченно, показывая, как постепенно Надежда, пройдя суровую школу жизни, становится стойким революционным борцом, энергичным советским работником. Хотелось бы только высказать способной актрисе одно пожелание. Ей хорошо удаются напряженные драматические сцены. Но она зачастую с излишним драматизмом, подчеркнутой значительностью проводит и незначительные эпизоды, «старается представлять», если воспользоваться словами Станиславского. Строгий самоконтроль — вот что, пожалуй, более всего нужно сейчас молодой актрисе.

На гастроли в Москву «Красный факел» привез одиннадцать спектаклей. Но «Зыковы» и «Чайка», а из современных пьес «Кряжевы» достаточно отчетливо показывают, куда направляются главные усилия коллектива. К сожалению, свою творческую линию театр не всегда проводит последовательно. Такие, например, спектакли, как «Три солдата» и «Женихи», где, в основном, занята молодежь, оказались ниже возможностей театра. Видимо, к ним относились, как к проходным, и это не замедлило сказаться на качестве постановок.

И другой серьезный упрек следует сделать театру. Творчески сильный коллектив, работающий в самом центре края, богатого писательскими силами, может проявлять больше смелости и инициативы в выборе, «открытии» новых пьес, которые впервые увидели бы свет рампы, именно здесь, на сцене Новосибирского театра. Постановка «Кряжевы» — удачный пример плодотворного содружества драматурга и театра. Жаль только, что не так уж часто театр дает повод говорить о таких достижениях.

БЕЗ ЯСНОЙ ЦЕЛИ

Н. ИГНАТЬЕВА

Приезда Ленинградского театра комедии москвичи ожидали с интересом. Не только потому, что в его афишах в числе объявленных были и неизвестные жителям столицы спектакли. Самое название театра предвещало определенную эстетическую программу, привлекал самый жанр, который так долго был под спудом и не находил дороги к зрителю.

Москвичи увидели лишь четыре постановки театра: «Раки» С. Михалкова, «Судья в ловушке» Г. Фильдинга, «Новые времена» Г. Мдивани, «Месяц в деревне» И. Тургенева. Но дело, конечно, не в количестве спектаклей, а в их сущности, в том, о каких творческих принципах заявил театр, с каким арсеналом художественных средств он выступил перед зрителями.

Достоинства и недостатки комедии С. Михалкова «Раки» уже отмечались в печати. Учитывая критику пьесы, постановщики «Раков» должны были усилить обличение «лопоуховщины», найти средства для того, чтобы нагляднее и ярче показать зрителю мир тупости, мещанства, ротозейства.

Но вот на сцене Театра комедии появляется Ленский (его роль отлично исполняет талантливый актер В. Усков) — и сразу на задний план отступают Лопоухов, его семья, его сослуживцы. Нас теперь уже не так интересует поведение этих героев комедии, — больше волнует, как будет действовать Ленский.

То, что похождения Ленского в спектакле ленинградцев (постановка В. Познанского и И. Ханзеля) служат не средством, помогающим проникнуть в мир лопоуховых, показать их моральное уродство, а становятся главными событиями, к которым привлечено внимание зрителей, ослабило и без того недостаточно сильное обличительное звучание комедии.

И напрасно так грозно нацеливают свои вилы два крокодила, поддерживающие занавес. Острие этих вил лишь слегка задело Степана Феофановича Лопоухова, представшего в исполнении К. Злобина глупым, неотесанным, мало культурным человеком — и только; его дочь Серафиму, которую актриса А. Сергеева не сумела сыграть с той злой сатирической интонацией, с какой она написана автором; Самсоню Кареглазова (Г. Шмойлов), помощника Лопоухова Уклейкина (С. Федоров)... И хотя среди образов лопоуховцев есть отдельные актерские удачи, спектакль бьет мимо главной цели.

В постановке Ленинградского театра комедии впервые на советской сцене увидела свет комедия английского драматурга XVIII века Г. Фильдинга «Судья в ловушке». Знакомство с нею подтвердило верный выбор театра: в пьесе заложены богатые возможности для интересного сатирического спектакля, остро обличающего порочные нравы буржуазного общества. Высмеивая лицемерие и мошенничество судьи Скуизома, писатель противопоставляет этим порокам положительные начала: жизнеутверждающий оптимизм, любовь и доверие к разуму, воле и энергии человека.

Театр (режиссер А. Музиль) верно почувствовал и хорошо передал оптимистический дух пьесы — это ощущается и в общей жизнерадостной атмосфере спектакля, и в той веселой, задорной увлеченности, с какой играют Е. Жаров — Рембл, И. Зарубина — м-с Скуизом, Н. Трофимов — Сотмор, создавая полнокровные характеры героев. Однако это только одна, пожалуй, более легкая и не главная сторона задачи. Самое важное для Фильдинга — социально-политическая сатира; цель комедии — высмеять продажность и беззаконие буржуазного суда, глупость и ничтожество тупых обывателей, воображающих себя государственными умами. И здесь театр не сумел подняться до высот подлинно сатирического обличения, достаточно глубоко раскрыть содержание пьесы. В режиссерской работе нет творческой смелости, мало выдумки, острых решений тех или иных сцен, а поэтому то, ради чего была написана комедия, к сожалению, не прозвучало в полный голос.

Судья Скуизом — плут, взяточник, вымогатель. Фильдинг обнажает пороки Скуизома, выставляет их на общее осмеяние. Но А. Бениаминов, исполняющий эту роль, не дает почувствовать, что значит, когда правосудие вершит человек, лишенный чести, совести и стыда. А ведь только тогда, когда зритель поймет всю опасность и вредоносность Скуизома, вдвойне смешными покажутся те комические положения, в которые автор ставит своего героя. Но в Скуизоме актер видит прежде всего алчного, сластолюбивого старикашку, увлеченного молоденькой девушкой. И хотя эти черты переданы А. Бениаминовым мастерски, с большой внутренней убедительностью, фильдинговский обличительный пафос остается нераскрытым до конца.

Не нашел театр сатирических красок и для таких персонажей комедии, как мистер Политик, констебль Стафф.

Мистер Политик—для драматурга серьезная сатирическая мишень: недаром точный перевод названия пьесы Фильдинга означает «Политик из кофейни, или Судья, пойманный в свою же ловушку». В Политике писатель высмеивает глупость и никчемность людишек, пытающихся без всяких на то оснований изобразить себя крупными государственными деятелями. Свою бесчеловечность они прикрывают громкими фразами об общественном долге, а пустоту — внешней многозначительностью. И здесь не нужно избегать заострения образа, — конечно, прежде всего его внутренней сущности. Однако П. Суханов играет «под сурдинку», посмеиваясь над Политиком, показывая его нелепость, но не разоблачая его, не вызывая осуждающий смех.

Еще более снисходителен к своему герою К. Злобин, исполняющий роль констебля Стаффа. Стафф — правая рука Скуизома, исполнитель его воли, верный последователь его житейских принципов. Это английский Держиморда. Но К. Злобин упрощает характер констебля, показывая лишь личное качество Стаффа — его тупость — и не раскрывая социальное зло подобных типов.

Если бы в спектакле основные сатирические роли были сыграны со всей остротой, подчеркивающей политический смысл комедии, то театру не понадобились бы предвосхищающие действие символические изображения ученого осла, весов, где чаша с золотом перевешивает свод законов, грозного полицейского кулака. Тогда бы главная мысль комедии была не подсказана со стороны, а естественно вытекала из действия спектакля, из остро очерченных, глубоко осмысленных характеров.

Как видим, недостатки обоих спектаклей кроются прежде всего в ошибках режиссуры, в ее стремлении итти проторенным путем. Поэтому таким невыразительным оказался спектакль «Новые времена», который, несмотря на глубокую, правдивую игру В. Ускова в центральной роли, обесцвечен режиссерской пассивностью (постановка В. Познанского), отсутствием творческой фантазии.

И не потому ли в спектаклях Театра комедии актеры нередко повторяют себя, прибегают к прямолинейным приемам, пытаясь вызвать смех ради смеха, что режиссура не требует от них смелых творческих исканий, что и ей самой не свойственно стремление к яркой, самобытной форме, наиболее глубоко и полно выражающей идейное содержание пьесы.

У Ленинградского театра комедии позади немало серьезных ошибок. И, может быть, не стоило бы сегодня вспоминать об этом, если бы в спектакле «Месяц в деревне» не ощущалась инерция тех ложных представлений, которые когда-то чуть не завели театр в тупик формализма.

Названная автором комедией, пьеса Тургенева «Месяц в деревне» по существу является психологической драмой, построенной на сложном переплетении человеческих чувств, на внутреннем подтексте. Передавая интимные переживания героев, Тургенев отказывается от выспреннего выражения их чувств, от патетических монологов, чтобы не вызвать у зрителей иронического отношения к действующим лицам пьесы. Но на спектакле Театра комедии в самых неожиданных моментах то и дело раздается смех зрителей.

Пятый, последний акт спектакля. Сейчас произойдет тяжелое, неприятное объяснение старых друзей. Однако уже самое начало действия рассчитано на юмористическую реакцию зрительного зала: вместо того, чтобы, как указано в ремарке Тургенева, сидеть за столом и рассматривать бумаги, Ислаев (Г. Флоринский) стоит в подчеркнуто драматической позе, упершись лбом в колонну, и неестественно тяжело дышит.

Душевное смятение мешает Ислаеву как следует выразить свои мысли, и, чтобы передать его досаду, в руках артиста появляется палка, которой он действует, как... биллиардным кием, ловко сбрасывая со стола бумажку... В зале смех...

Сцена из спектакля «Судья в ловушке». Скуизом — А. Бениаминов, м-с Скуизом — И. Зарубина.

А дальше и вовсе начинается водевильное представление: Ислаев комически всплескивает руками, орет, носится по комнате, грозит кулаком под носом компаньонки Лизаветы Богдановны... И, словно восклицательный знак, завершающий эффектную фразу, под занавес взлетает в воздух табакерка Лизаветы Богдановны, выбитая из ее рук энергичным жестом «почтенной светской дамы» — Анны Семеновны Ислаевой.

Смешно? Возможно. Но какое все это имеет отношение к пьесе Тургенева?

И не только Ислаев, превращенный по воле режиссеров (Л. Вивьен и С. Селектор) и актера из умного, честного, порядочного человека в шута, дурака и чуть ли не сводника, но и многие другие герои пьесы приобрели неожиданные, не свойственные им черты. Наталья Петровна в исполнении Е. Юнгер оказалась этакой светской львицей, пожирающей сердца (недаром театр позволил себе исключить из пьесы слова, свидетельствующие о раскаянии Натальи Петровны в том, что она вмешалась в отношения Верочки и Беляева); Беляев в исполнении И. Полякова стал глуповатым, вялым, наивным юношей; Большинцов (П. Суханов) и Лизавета Богдановна (О. Порудолинская) — опереточными масками.

Так снова в творчестве театра сказались ошибочные тенденции прошлого: пренебрежение к авторскому замыслу, отказ от проникновения в глубины образа.

А это тем более досадно, что в Ленинградском театре комедии есть опытные мастера комедийного жанра, есть хорошая, талантливая молодежь. Но без твердой, направляющей руки режиссера, без ясной творческой цели коллектив не может добиться серьезных успехов.

И в этом театру надо помочь, укрепить его режиссурой, которая бы сумела смелой, талантливой работой подсказать верные пути к творческим победам.

Что думают в Японии об отношениях с Китаем

М. МАРКОВ

«Япония — задняя дверь в Китай», — в этой откровенной формуле, родившейся в Пентагоне вскоре после окончания второй мировой войны, лаконично выражена «программа» американских экспансионистов.

Нарушив соглашения, заключенные союзниками в период второй мировой войны и в послевоенный период, США проводят политику подавления национальной независимости Японии, вопреки воле японского народа создают сухопутную армию и флот, восстанавливают военный потенциал страны. Однако эта политика, воздвигающая искусственные преграды на пути нормализации отношений на Дальнем Востоке, встречает все растущее сопротивление японской общественности. Здоровые силы японской нации понимают необходимость отстоять национальную независимость страны. Все большее число людей в Японии отдает себе отчет в том, что для спасения страны надо восстановить внешнеполитические и экономические связи с соседними государствами.

Эти настроения здоровых сил японской нации находят свое отражение на страницах японских газет и в радиокомментариях. Под давлением японских трудящихся, трезвые голоса звучат все громче и громче, требуя нормализации отношений с Советским Союзом, Китайской Народной Республикой, со всеми соседними государствами.

Даже буржуазные японские газеты начинают признавать великие успехи китайского народа. Корреспондент агентства Киодо Цусин, посетивший Пекин, Кантон, Ханькоу, писал: «Население твердо верит в свое светлое будущее... Китай, гордящийся своей древней культурой и традициями, стал страной молодости, которая с уверенностью смотрит в будущее». Газета «Токио таймс» констатирует: «Везде: и в Шанхае, который когда-то находился под господством иностранцев, и в Тибете, который сразу же признал пекинское правительство, в одинаковой мере проводятся крупные реформы. Целью этих реформ является создание новых социальных порядков, основой которых будет труд... Неоспоримо то, что сейчас поднялся весь китайский народ, объятый новыми веяниями... Сейчас уже нет никаких фактов, которые могли бы свидетельствовать о том, что нынешняя власть в Китае оторвана от народа. Вполне естественно, что в коммунистическом Китае, объединенном рабочей властью, все больше и больше начинает проявляться мощь рабочего населения. Начали работать женщины, разрабатываются ресурсы и улучшается санитарное состояние. Под руководством пекинского правительства восстановлен внутренний порядок, и коммунистический Китай вступил в стадию строительства. Этот факт нужно честно признать, невзирая на то, поддерживаем мы коммунизм или нет».

Рассматривать достижения нового Китая «без каких-либо предрассудков» и смотреть на его будущее «с новой точки зрения» призывает «Нихон кейдзай», рупор деловых кругов Японии. «Япония, — пишет эта газета, — должна признать достижения пекинского режима и предпринять более решительные усилия для того, чтобы лучше узнать Китай... Несомненно, Китай достиг значительного прогресса в политической, экономической, социальной и культурной областях. Нужно воздать должное коммунистическому режиму, поскольку он добился того, чего не смогло сделать националистическое правительство».

Еще более решительно выражается обозреватель газеты «Хоккайдо Симбун»: «Я считаю, — заявляет он, — что нам многое есть чему поучиться у правительства коммунистического Китая, которое создало новый, совершенно отличный от старого, Китай». Отмечая завершение восстановительного этапа и начало широкого строительства на основе пятилетнего плана, обозреватель восклицает: «Нужно искренне выразить свое уважение правительству коммунистического Китая, которое сумело преодолеть все трудности периода восстановления и перейти к стадии строительства».

Говоря о мероприятиях народной власти, направленных на улучшение жизненных условий труда, обозреватель подчеркивает, что из Китая «изгнано такое социальное зло, как бедность. Женщины, вернувшиеся из Китая, рассказывают о взглядах китайских женщин на любовь и брак и подчеркивают, что в нынешнем Китае женщины занимают равное положение с мужчиной... Короче говоря, правительство коммунистического Китая сумело решительно ликвидировать все отрицательные явления, которые могли препятствовать развитию нового Китая».

Само собой разумеется, что после всего сказанного напрашивается сопоставление жизни свободного китайского народа с жизнью трудящихся Японии, где хозяйничает американская военщина. В заключение своей статьи обозреватель газеты «Хоккайдо Симбун» признает, что в Китае «существует такая власть, при которой трудящиеся никогда не остаются в дураках, и создано такое общество, в котором разоблачаются все несправедливости и искореняется зло. Я не знаю, как будет развиваться дальше коммунистический Китай, но считаю, что нам есть чему поучиться из того, что рассказывают репатрианты».

Подобные высказывания ряда буржуазных изданий отражают протест различных кругов общественного мнения против политики подавления независимости Японии, проводимой США.

Требование установить внешнеполитические и экономические связи с соседними государствами охватывает все более и более широкие круги японской общественности.

Насильственная изоляция Японии от китайского рынка и участие ее в преступной экономической «блокаде» Китайской Народной Республики, введенной американскими правящими кругами, больно ударяет по японской экономике.

Закрыв Японии доступ к дешевому высококачественному китайскому углю и железной руде, США сбывают ей собственный уголь и руду по ростовщическим ценам. Японский прогрессивный ежемесячный журнал «Дзенэй», исходя из данных за 1951 год, подсчитал, что если бы Япония получила возможность приобретать вместо американского китайский уголь, а разницу в ценах направить на повышение заработной платы, «то каждый рабочий приблизительно из 100 тысяч японских рабочих, занятых в металлургической промышленности, получил бы дополнительно в год 57 тысяч иен».

Потеря китайского рынка вызывает в японской промышленности кризисные явления. Банкротства предприятий и фирм, в прошлом поставлявших свою продукцию в Китай, стали повседневным явлением. Японские деловые круги отдают себе отчет в том, что ни американские «специальные» заказы, ни кабальная долларовая «помощь» не выведут экономику страны из кризиса. Корреспондент английской газеты «Манчестер гардиан» Тилтмен указывает: «Торговля с Китаем, давно уже служащая главным предметом разговоров и упований Японии, становится политической проблемой. И ни хмурые взгляды властей, ни зависимость экономики страны от американских долларов не могут помешать тому, что эта проблема обсуждается всякий раз, как только 2—3 японских дельца соберутся вместе».

Тревога, испытываемая определенными кругами японской буржуазии, столь велика, что она дает себя знать буквально на каждом шагу. Даже Кадзуо Кавай, главный редактор газеты «Ниппон таймс», близкий к американскому оккупационному штабу, счел нужным сигнализировать два года тому назад в таких выражениях: «Некоторые японцы опасаются, — писал он в статье, опубликованной в журнале «Анналы Американской академии политических и социальных наук», — что Япония не сможет стать экономически самостоятельной до тех пор, пока она будет ограничена американской сферой экономического влияния. Они считают, что Япония не может существовать без торговли с коммунистическим Китаем. Вместо перспективы постоянной зависимости от американской благотворительности они скорее предпочли бы более тесную связь японской экономики с экономикой Китая».

«Горячим желанием нашего делового мира... — свидетельствует газета «Токио Симбун», — является активная торговля с коммунистическим Китаем». Отражением этих настроений явилось создание парламентской Лиги содействия японо-китайской торговле, среди членов которой насчитываются и несколько десятков членов правящей либеральной партии.

Широкие круги всех слоев населения не только стремятся к установлению экономических связей с Китайской Народной Республикой. Они выражают возмущение губительной военной политикой, навязанной Японии. Нормализация отношений с соседними государствами, заключение всестороннего мирного договора — таков один из главных лозунгов, под которым японский народ развертывает ныне борьбу за мир и национальную независимость.

Весьма характерными являются высказывания руководителя исследовательского отдела Китайского института Мицио Ивамура, сделанные им еще два года тому назад: «Необходимость улучшения японо-китайских отношений, — писал он в журнале «Секай Хиорон», — не должна обосновываться только одними экономическими расчетами. Конечно, с экономической точки зрения, Япония не может надеяться быть не связанной с Китаем. Но наш взгляд на японо-китайские отношения должен основываться на более широкой точке зрения. Он должен быть основан на желании защищать мир и добиваться процветания Японии в условиях мира... Нет сомнения, что независимость Китая и его индустриализация в большой мере способствовали бы процветанию японской экономики. Агрессия против Китая, вопреки этой очевидной истине, привела к тихоокеанской войне и к банкротству японской экономики. Поэтому наши соображения по поводу нового мира должны быть основаны на трезвом анализе японо-китайских отношений в прошлом и подлинном стремлении к тесному сотрудничеству между обеими странами...»

Японская коммунистическая партия, профсоюзы, левая социалистическая партия и ряд демократических организаций поддерживают требование о заключении всестороннего мирного договора и установлении дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой и Советским Союзом. «Лига содействия урегулированию дипломатических отношений между Японией, Китайской Народной Республикой и Советским Союзом» организовала в апреле этого года в токийском парке Хибия многотысячный митинг, на котором решено было, в частности, направить в Китай миссию доброй воли для выражения благодарности за репатриацию японских граждан.

Большую работу по расширению связей между двумя странами проводит массовое Общество японо-китайской дружбы.

Не так давно в Токио проходила третья национальная конференция этого общества, на которую съехалось около 400 делегатов со всех концов страны. На конференции отмечалось, что японский народ проявляет огромный интерес к строительству нового Китая, к китайскому искусству и литературе. Силами общества устраиваются выставки, посвященные Китайской Народной Республике, на японский язык переведено почти 40 произведений китайской литературы. С большим успехом прошла организованная по инициативе общества национальная кампания укрепления японо-китайской дружбы.

Солидарность и чувства дружбы к народам лагеря мира, возглавляемым Советским Союзом, чувства дружбы к Китаю выражают самые различные круги японского народа. В письме японского бюро по осуществлению связи с Всемирной федерацией профсоюзов, адресованном Всекитайской федерации профсоюзов, говорится: «Японский рабочий класс полон решимости никогда не воевать с китайским народом». Всеяпонская федерация органов студенческого самоуправления направила китайским студентам письмо, в котором заявляет, что студенты никогда не примут участия в агрессивной войне и будут продолжать бороться за мир в Азии и во всем мире, за национальную независимость и свободу. «Мы клянемся, — пишут авторы письма, — удвоить свои усилия для установления дружественных отношений с Китаем, для расширения экономических и культурных связей со странами лагеря мира, возглавляемыми Советским Союзом. Японские студенты еще теснее объединятся с китайскими студентами и будут до конца бороться за мир во всем мире». А вот клятва простых японских женщин, обращенная к женщинам Китая: «Мы, — пишут члены ассоциации домашних хозяек района Кансай, — никогда не позволим нашим сыновьям и мужьям принимать участие в войне. Японские женщины будут следовать вашему примеру в борьбе за освобождение страны и всеми силами бороться за мир и независимость».

В самых различных слоях населения Японии крепнет стремление отстоять свою национальную независимость, обеспечить мирное развитие своей родины, добиться нормализации отношений с соседними странами. К этому выводу придет беспристрастный наблюдатель после ознакомления с настроениями японской общественности.

Создание американских военных баз на японской территории встречает все более решительное сопротивление японского народа. На фото — жители города Каруидзава устроили у подножия горы Асама демонстрацию протеста против американских планов превращения этого района в плацдарм для военных маневров. Лозунги на плакатах, которые несут манифестанты, призывают к защите свободы, требуют положить конец милитаризации района горы Асама

Снимок китайского агентства Синьхуа

Международная почта

— На помощь!.. Очаг войны погас...

Рисунок художника Дилука из бельгийской газеты «Драпо руж»

АГЕНТЫ ФБР НА КАФЕДРЕ

Не более двух десятков слов, сложившихся всего в несколько строчек, потребовалось американской газете «Стар», выходящей в городе Миннеаполисе, чтобы поведать о таком факте:

«Восемнадцать специальных агентов ФБР, опытных во всех областях расследования... становятся членами профессорско-преподавательского персонала университета штата Миннесота»...

Телеграфный стиль этого сообщения, очевидно, должен подчеркнуть, что в сегодняшней Америке подобный невероятный факт мало кого способен удивить. Не удивил он и ученых мужей, вынужденных делить лавры науки с полицейскими шпиками. Президент университета Моррилл публично рассыпался в комплиментах по адресу будущих коллег:

«Мы считаем за честь работать совместно с такой прекрасной организацией, как Федеральное бюро расследований».

А начальник отделения ФБР в городе Миннеаполисе, некий Бэнистер, оценивая будущий «вклад» своих питомцев в науку, скромно добавил: он надеется, что они возведут полицейскую работу «в статус профессии с высокой целью»...

Не очень ясно, хотя звучит вполне, так сказать, научно. Впрочем, упомянутая нами газета «Стар» перевела туманные слова Бэнистера на общепонятный язык. Оказывается, профессиональные шпионы, лишь по совместительству временно сделавшиеся «профессорами», будут преподавать полицейскую науку специально отобранным «студентам» с тем, чтобы подготовить из них квалифицированных агентов и осведомителей.

Полицейские шпики на кафедре университета—такого все-таки еще не бывало даже в США. Не дойдут ли американские просветители до преподавания «азов диверсий и шпионажа» в школах?

БИЗНЕС С ЭСЭСОВСКИМИ ЭМБЛЕМАМИ

На фотоснимке, который будит мрачные воспоминания о гитлеровском вандализме, мы видим часть шейного платка с эмблемой разбойничьей эсэсовской дивизии «Викинг». Примечательно то, что этот платок сфабрикован отнюдь не во времена фашистского «рейха», а в 1953 году в Вейсенбурге (Западная Германия) на предприятии, принадлежащем некоему Раабу.

Предприимчивый герр Рааб, учуяв, куда ветер дует в «боннской республике», делает сейчас бизнес. Он возобновил производство и начал бойкую продажу бывшим эсэсовцам шейных платков, нарукавных повязок и галстуков с эмблемами эсэсовских дивизий, в частности дивизии «Викинг».

Недавно, по словам французской газеты «Юманите», две тысячи недобитых головорезов из дивизии «Викинг», украшенные «галантереей» Рааба, устроили манифестацию доверия Аденауэру в Залахе. Поводом для выражения верноподданнических и реваншистских чувств явилось открытие в этом городе памятника... в честь эсэсовских войск. Что и говорить, доверие, выраженное молодчиками из черной гвардии Гитлера боннскому «канцлеру», вполне обосновано...

ВОИНСТВЕННЫЕ МЕТЕОРОЛОГИ

Задача метеорологии, как известно,— изучать атмосферные явления, предсказывать погоду и помогать таким образом обузданию для пользы человека стихийных сил природы. Однако эта скромная задача, видимо, мало удовлетворяет столпов американской метеорологической науки. Надышавшись удушливой атмосферой военного психоза, они решили впрячься в колесницу войны.

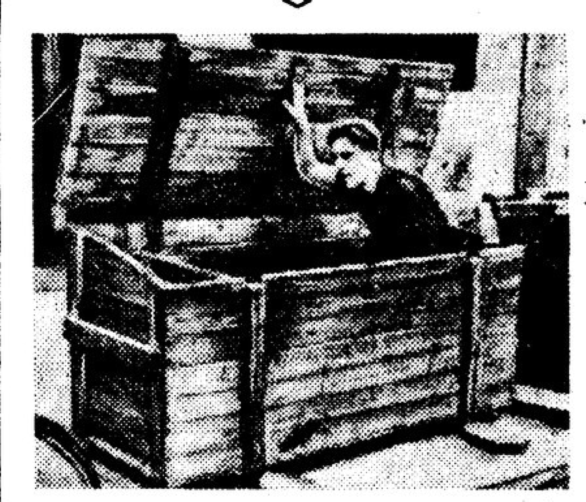
Выходящая в Сан-Франциско прогрессивная газета «Пиплс уорлд», ссылаясь на сообщение агентства Юнайтед Пресс, рассказала о том, что происходило на состоявшемся в Вашингтоне в мае этого года годичном заседании американского метеорологического общества. Американский промышленник Гарри Гагенхейм выступил с речью, в которой, между прочим, выразил восхищение «научными идеями» бывшего председателя этой организации капитана военно-морского флота Говарда Орвилла.

«Орвилл считает, — сказал Гагенхейм, — что может наступить день, когда Соединенные Штаты будут в состоянии контролировать погоду в России...

Погода в России в большинстве случаев приходит с Запада. Мы сможем задержать поступление к русским влаги или же залить их проливными дождями, искусственно создав и послав на них тучи».

Ни одного голоса протеста не раздалось на заседании американских ученых-метеорологов против этих людоедских бредней. Впрочем, удивляться не приходится: в обстановке разгула реакции многие американцы, не исключая и ученых, боятся протестовать против чего бы то ни было.

Бредовые планы заокеанских человеконенавистников, мечтающих с помощью... туч принуждать народы к покорности Уолл-стриту, — новое свидетельство маразма науки в США.

«Жертва жилищного кризиса в Стокгольме»,— так назвал этот фотоснимок опубликовавший его швейцарский буржуазный журнал «Швейцер иллюстрирте цейтунг». «Более года 25-летний рабочий Икс (он просил не называть его имени), в жару и холод, жил в самом центре Стокгольма в ящике из-под инструментов»,— пишет «Швейцер иллюстрирте цейтунг»...

СЛУЧАЙ В БРЮССЕЛЕ

Бельгийская газета «Драпо руж» рассказывает о возмутительном случае, который произошел недавно в столице Бельгии — Брюсселе. На площади Брукер несколько десятков молодых бельгийцев, собравшись вместе, шумно выражали свою радость по поводу демобилизации из армии. Это, однако, не понравилось чинам американской военной полиции, находившимся здесь же. Янки-полицейские решили «призвать» бельгийских юношей «к порядку» и... принялись избивать их резиновыми дубинками.

Наблюдавшие эту сцену бельгийцы, возмущенные ничем не оправданным нападением военных полицейских США на мирных людей, пришли на помощь соотечественникам. Вскоре на автомобиле прибыл к месту происшествия отряд бельгийских полицейских, которые с места в карьер начали разгонять собравшихся брюссельцев. Двое демобилизованных солдат были арестованы. Так в современной Бельгии охраняют права ее граждан!

Праздник молодости

Сергей АНТОНОВ

ИЗ ДНЕВНИКА

6 августа

Вчера вечером мне с трудом удалось попасть на концерт делегации Корейской Народно-Демократической Республики. В театре не хватило мест для всех желающих. До начала концерта в фойе я увидел парня, беседующего с девушкой. Вокруг его шеи был небрежно, по-ковбойски, повязан большой красный платок, испещренный надписями на разных языках. Приглядевшись, я заметил аккуратно написанные химическими карандашами и авторучками имена и фамилии. Очевидно, парень просил всех молодых людей, с которыми знакомился в дни фестиваля, оставлять на его платке свои подписи. Но владелец оригинального платка привлек мое внимание не только этим. Насколько я мог понять, он уговаривал девушку итти на другой концерт. Он пренебрежительно постукивал по стене кулаком, видимо, стараясь доказать, что корейские музыканты будут бить в бубны и барабаны и в этом нет ничего интересного.

На фестиваль съехались разные люди, с разными взглядами и разными убеждениями. Но девушка не позволила уговорить себя, и мне удалось снова увидеть парня в конце концерта, после того, как выступил прекрасный ансамбль народных инструментов под управлением Пак Хван У, после того, как скрипач Пяк Ко Сан блестяще исполнил мазурку Прокофьева, а женский хоровой ансамбль — «Весеннюю песню». Парень бешено аплодировал и кричал «бис». Он совсем не жалел теперь, что попал на концерт молодых корейцев.

Вот одно из неоспоримых достижений фестиваля. Он быстро открывает глаза многим молодым людям, отравленным реакционной пропагандой, и учит их относиться с уважением ко всем народам, населяющим земной шар. Такие сцены происходят также и в других местах Бухареста. Жаль только, что не удается побывать всюду. Я пропустил и открытие художественных конкурсов и открытие спортивных соревнований.

Кто-то из операторов сказал мне, что у него все эти дни такое ощущение, будто он мчится с огромной скоростью в поезде-экспрессе и не успевает разглядеть мелькающие за окнами картины. И в самом деле, программа фестиваля так велика и разнообразна, что побывать даже на сотой доле выступлений ансамблей, на спортивных соревнованиях, встречах одному человеку совершенно невозможно.

Вот программа фестиваля на сегодняшний день. После приблизительного подсчета получилось, что для просмотра этой программы потребуется свыше 600 часов.

Выбираю встречу делегатов пяти великих держав и отправляюсь в парк имени Сталина. Эту встречу намечено провести на открытой площадке ресторана «Пескэруж», в переводе с румынского — «Чайка». Площадка расположена очень живописно: она словно парит над озером, по которому скользят белые яхты. На дальнем берегу, в теплом вечернем воздухе, дрожат огоньки строящегося здания «Скынтейи». Сбор делегатов назначен на 10 часов вечера. Задолго до этого срока кинооператоры уже на местах. Они расставляют треноги, пробуют осветительную аппаратуру.

Делегаты еще не съехались, но народу на площадке с каждой минутой становится все больше и больше. Представители радио, прессы, кино... У ворот — заминка. Контролеры не успевают проверять списки приглашенных работников печати. Несколько нетерпеливых буржуазных журналистов рады придраться к случаю.

— Нас не пускают! — кричит один из них. — Это тайное сборище, организованное коммунистами! Мы напишем об этом в своих газетах...

А те журналисты, которых уже пропустили, смеются и качают головами.

Наконец, съезжаются делегаты. К оператору подходит парень в синей рабочей блузе с книгой подмышкой и что-то спрашивает. Оказывается, этот парень — парижский рабочий. Ему 23 года. Его имя— Жорж. Жоржа интересует, у всех ли советских рабочих есть собственная мебель. Оператор озадаченно оглядывается, не сообразив от неожиданности в первую минуту, что ответить на такой наивный вопрос. Дело в том, что многие французы снимают меблированные комнаты, и в устах Жоржа, мало знакомого с бытом наших людей, такой вопрос вполне естественен. Выяснив, что наши рабочие, все, за исключением тех молодых людей, которые живут в общежитиях, имеют и собственную мебель и домашнее хозяйство, а некоторые и собственные автомашины,— Жорж озадачен. Как же так? Буржуазная пропаганда вдалбливает ему в голову, что при коммунизме собственность должна быть общественной, а у советских рабочих — мебель, машины?.. Но Жорж скоро разберется в этом. Недаром он сегодня купил «Вопросы ленинизма» на французском языке... Разговор на экономические темы продолжается. Жорж говорит, что ежемесячная заработная плата квалифицированного рабочего во Франции составляет 30 тысяч франков. Цифра, на первый взгляд, большая. Но в стране — инфляция. Выясняется, что плата за квартиру составляет 10 тысяч франков в месяц, билет в кинотеатр стоит 300 франков, обед для двух человек — до 1.000 франков.

Началась встреча. Председатель Всемирной федерации демократической молодежи Бруно Бернини произносит короткую приветственную речь. Жорж бежит к столу, занимает свое место. В первые минуты отношения между делегатами несколько сдержанные. Это и понятно — ведь они еще не знакомы друг с другом. Но вскоре наступает перелом, и вот уже советский артист Кривуля, выговаривая русские слова с каким-то странным акцентом, от которого, как ему кажется, они становятся понятней иностранцу, объясняет гостю из Сенегала, что он — певец ленинградской оперы. И китаянка в длинном шелковом платье танцует с американцем, и несколько немцев с возмущением рассказывают англичанину о фашистской провокации в Берлине.

За всеми столиками с помощью двойных, а то и тройных переводчиков возникают шумные разговоры. И когда представители пяти великих народов, обнявшись, начинают танцевать «Периницу», когда на лицах их начинают сиять дружеские улыбки,— становится особенно ясно, что никаких причин, которые могли бы вызвать вражду между ними, не существует.

8 августа

На днях объявлено решение жюри международного литературного конкурса фестиваля. Первой премии удостоена новелла молодого индийского писателя Навтеджа «Дети».

Я познакомился с Навтеджом только вчера, на встрече писателей — участников фестиваля с румынскими писателями. У него фотоаппарат «Зоркий» — подарок отца, побывавшего в Москве. Хотя друзья и убеждают меня в разговоре с Навтеджом смелее использовать знание английского языка, но беседа без переводчика не клеится. Запаса английских слов у меня гораздо меньше, чем смелости. Впрочем, одно из качеств, которым, по мнению Навтеджа, должен обладать писатель, мне удалось выяснить с помощью фотоаппарата. Писатель должен быть зорким, сказал Навтеджа, похлопывая по аппарату. С этим я вполне согласен.

С польскими товарищами разговор заходит о критике. Мы обсуждали серьезный вопрос о теме произведения и материале, на котором эта тема раскрывается. Польские товарищи говорят, что и у них имеются так называемые «производственные» романы, в которых авторы подменяют четкое решение темы детальным описанием проблем, касающихся данного производства. Эти романы являются, по существу, беллетризованными производственными энциклопедиями. Существуют и так называемые «сельскохозяйственные» романы, в которых характеры и судьбы героев затеряны среди описаний многочисленных, часто совершенно не нужных для раскрытия темы, проблем сельского хозяйства.

Для такого рода произведений польские критики придумали насмешливый и выразительный термин — «всеизм».

Меня знакомят с французской писательницей Мадлен Риффо. Пожать руку Мадлен мне особенно приятно, потому что я помню ее прекрасный очерк об Анри Мартэне и его жене Симоне, напечатанный в советской газете. Мадлен — в приподнятом настроении. Недавно она узнала, что Анри Мартэн на свободе.

Некоторые подробности о том, как встретил Мартэна Париж, рассказал мне сегодня французский техник Ролан. Я увидел Ролана во дворе транспортного института, предоставленного на время фестиваля под общежитие французской делегации. Ролан сожалеет, что не успел приехать к началу фестиваля. В группе делегатов, которую он возглавлял, были жители Туниса, Алжира и других колоний. Жителям Африки получить визы у французских властей оказалось очень трудно. И группа Ролана приехала в Бухарест только в среду, 5 августа. А в день открытия фестиваля 2 августа Ролан еще находился в Париже. Рано утром Мартэн прямо из тюрьмы пришел в редакцию «Юманите». Было воскресенье, и редакция не работала. Старый сторож, увидев Мартэна, вначале не хотел верить своим глазам. Затем он стал звонить по телефону Жаку Дюкло и другим деятелям Французской коммунистической партии. Вскоре тысячи людей, желающих увидеть своего Анри, заполнили улицу, на которой расположена редакция. Быстро собрались наборщики типографии, и к 5 часам вечера на улицах Парижа уже продавался экстренный выпуск «Юманите», извещавший об освобождении мужественного сына французского народа.

Мы с Роланом идем в комнату, и он показывает мне этот экстренный выпуск — небольшой листок с короткими заметками и с портретом Мартэна.

В общежитии довольно тесно, да это и не удивительно: французская делегация насчитывает более 3 тысяч человек. Впрочем, делегаты не ощущают тесноты. С утра до позднего вечера они—на экскурсиях, на концертах, на встречах, на соревнованиях. Во время разговора с Роланом нас обступают молодые французы. Они весело рассказывают, как собирали деньги для поездки на фестиваль. Молодежь заходила в парижские дома и квартиры, начиная свой обход с верхних этажей, потому что, если начать снизу,— может выгнать консьержка. Бухарест им очень нравится. На экспедитора Люсьена сильное впечатление произвел парад делегаций. Ролану больше всего понравилась встреча с советской молодежью. Он учится в вечерней школе русскому языку и обещал нашей туркменской балерине через полгода прислать письмо. Это будет его первое письмо на русском языке. 19-летний портной Жак до сих пор не может забыть, как во время парада французские делегаты подняли на свои плечи воинов Вьетнама. У него тогда слезы выступили на глазах...

БУХАРЕСТ

Продолжение. Начало в № 96 «Литературной газеты».

Смесь

«Маленькая Америка» в Лондоне. Умерший недавно герцог Вестминстерский, пишет английская газета «Дейли уоркер», известен как человек, продавший часть Лондона США. Этот богатейший английский землевладелец за миллион фунтов стерлингов сдал принадлежавшую ему западную часть лондонской площади Гросвенор-сквер в аренду на 999 лет американскому правительству. Здесь разместились теперь многочисленные американские учреждения. Лондонцы называют эту площадь «Маленькой Америкой».

Мнение гренландской газеты. Газета «Метеорет», которая выходит в небольшом городке Суккертоппен, находящемся на западном побережье Гренландии, резко протестует против того, что изо дня в день в местном кинотеатре демонстрируются голливудские фильмы. «Метеорет» пишет (цитируем по датской газете «Информацон»): «То обстоятельство, что место на пароходах вообще используется для транспортировки американского навоза в таком большом количестве, представляется фантастическим».

Под открытым небом. Турецкая газета «Ахын» сообщает о том, что в Турции «ощущается острый жилищный кризис» и что «квартирная плата неимоверно высока». Только в Стамбуле насчитывается свыше 10 тысяч свободных квартир, которые никто не снимает,— домовладельцы требуют очень высокую плату. В то же время более 100 тысяч горожан ютятся в трущобах и бараках или ночуют под открытым небом.

Барыши цензора. Западногерманская газета «Ахт-ур-блатт» поместила следующую заметку: «Как сообщают из США, охотник за коммунистами Маккарти получает за каждую книгу, проверенную им с точки зрения политической благонадежности автора, одну тысячу долларов». Газета озаглавила заметку: «Неплохо», очевидно, подчеркивая тем самым, что в Соединенных Штатах антикоммунизм недурно оплачивается.

ПОПРАВКА

В № 96 «Литературной газеты» от 13 августа в рецензии А. Ситникова «Продолжать учиться» в пятом абзаце третью фразу следует читать так: «Гордая своим дипломом, считающая себя зрелой и опытной, едет Ольга в Сталинабад, в республиканскую газету».

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02838.